

Матильда Аваланж

ТКАНЩИКИ

МИТКАЛЬ

Шлейф одержимости

18+

Матильда Аваланж
Миткаль. Шлейф одержимости
Серия «Городское фэнтези
Матильды Аваланж», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69999382

SelfPub; 2023

Аннотация

Я бежала от прошлого, мечтая начать новую жизнь. Но тихий провинциальный городок, затерянный в сибирских лесах, хранит свою мрачную тайну. Здесь у каждого – свои секреты. И если я хочу остаться в живых, то должна найти разгадку. Но, собирая этот жуткий пазл, я не знала, что могу запутаться в паутине своих кошмаров. Призрак из моих снов ожил. Его голос нашептывает гнусности. Его дыхание тлетворно. Как мне спастись от того, кто уже сшил свадебное платье, в котором мне суждено встретить свою собственную смерть?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	29
ГЛАВА 3	55
ГЛАВА 4	83
ГЛАВА 5	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Матильда Аваланж Миткаль. Шлейф одержимости

ГЛАВА 1 Первые впечатления

В автобусе мне приснился кошмар.

Это уже стало привычным.

Они преследовали меня почти каждую ночь с тех пор, как я встретила *его*.

Но по моей личной классификации этот был из разряда паршивых. Так сказать, кошмар сто пятидесятого левела.

В этом сне *он* был слишком близко и сжимал в своих влажных красных ладонях мою руку.

– Ева, я люблю тебя. Слишком сильно люблю, понимаешь? Ты просто не можешь не ответить на мою любовь. Не можешь меня отвергнуть – я этого не допущу.

У *него* был какой-то дефект речи, поэтому *он* не всегда выговаривал слова правильно. Проглатывал «л» и «ж».

Буква «р» *ему* тоже не всегда удавалась.

Не «любовь», а «юбовь». Не «отвергнуть», а «отвехг-

нуть».

Так *он* это произносил.

– Ночью я не могу уснуть, потому что постоянно о тебе думаю. Мечтаю, как будто ты пришла ко мне и мы...

Дальше следовал мерзкий по своей неприличности рассказ о том, чем мы с *ним* будем заниматься.

Я не могла проснуться или убежать во сне, поэтому просто слушала, стараясь не смотреть в его лицо, обрамленное пегими, давно не стриженными патлами.

Смотри на его майку. Да, лучше на вытертую майку цвета серой спаржи, усеянную катышками.

Только не в *его* лицо.

Беспокойные пальцы парня между тем нервно поглаживали моё запястье.

– Нежели ты совсем меня не любишь? – *его* глаза цвета кока-колы с выдохшимся газом смотрели жалобно и внимательно. – Мы должны быть вместе. Должны. Так предназначено, Ева. Слышишь? Ты придешь навстречу ко мне. Ты должна прийти!

– Оставь меня в покое... – прошептала я, но *он* помотал головой.

– Моя, моя, моя... – повторял громче и громче, пока совсем не завизжал.

Я попыталась вырвать руку, но не смогла: ломкие корявые пальцы сжались с неожиданной силой, *он* потянул меня к себе и хотел поцеловать.

Вздрогнув от ужаса, проснулась, потирая запястье.

На коже отпечатались красные следы *его* пальцев.

Нет, нет, такого просто не может быть.

Виновато тусклое освещение. И дурной сон...

Передо мной продолжало стоять *его* плоское лицо, умоляющее и одновременно агрессивное.

Посмотрела на часы на экране сотового.

Полчетвертого ночи. Прекрасно!

Свет в салоне был притушен до максимума. Вокруг все спят.

Но я больше засыпать не рискну.

Включила плеер и стала смотреть на сумрачный лес, пролетающий за окном автобуса.

Музыка, как всегда, поможет. Поможет забыть *его* мерзкий вид, голос и все те гадости, что *он* мне говорил и в кошмарах и наяву.

Главное только не заснуть, чтобы снова не окунуться в омут гадких сновидений.

Скоро это кончится. Я сбежала от *него* на другой конец страны, где *он* ни за что меня не найдет.

Устроюсь на новом месте, почувствую себя в безопасности и, наконец, смогу нормально спать.

Впереди – учеба в академии, новые подружки и симпатичные парни.

В моей жизни не будет больше отвратительного и назойливого соседа из квартиры снизу, у которого явно не все до-

ма и который достал меня своими преследованиями.

Да здравствует новый город и новая жизнь!

А главное – спокойный, крепкий сон.

Еще не было и восьми утра, как автобус въехал на небольшую отгороженную площадку.

А я вдруг подумала, что не хочется выходить.

Что-то вроде секундного предчувствия, которое быстро прошло.

С одной стороны виднелось полукруглое здание вокзала, на крыше которого большими зелёными буквами было написано название города «Белый Лог».

Белый Лог – город вечных туманов и непроходимых лесов.

С другой стороны как раз и наступал лес: голубоватые лапы елей свешивались сквозь тонкие прутья забора.

Вот я и на новом месте.

Но почему утро кажется таким пасмурным и душным?

Подхватив сумку с вещами, выпрыгнула из автобуса последней и в нерешительности замерла, оглядываясь по сторонам.

Интересно, встретит ли меня дядя? Я говорила ему день и время прибытия. Но, похоже, добираться до его дома придется самой.

Хорошо хоть, адрес есть.

Прежде, чем толкнуть мутную стеклянную дверь здания

автовокзала, я оглянулась на автобус. От города, в котором я родилась и выросла, меня отделяет теперь почти полстраны.

Прощай, мой оживший кошмар! Здесь *он* меня не достанет.

С трудом разузнав, какой нужен троллейбус, дождалась его и села у окна в обнимку с сумкой.

Город мне нравился – улицы утопали в колючей темной зелени елей и сосен. Несмотря на раннее утро, было сумрачно, сумрачно и жарко. И довольно безлюдно. Вылинявшее небо выглядывало из-за домов. Когда я ехала сюда, то прочитала, что зимы здесь не столько холодные, сколько очень длинные. И почти каждый день идет снег.

Но сейчас было лето, причем аномально жаркое для этих мест.

Хотелось как можно скорее переодеться в легкое платье. В джинсах и олимпийке было жарко!

Дом моего дяди, если он дал мне правильный адрес, а я его правильно расслышала, находился в частном секторе.

Поэтому искала долго. Попробовала позвонить дяде на сотовый, но он оказался выключен.

Сейчас главное – чтобы родственник оказался дома, иначе придется неизвестно сколько торчать под забором, ожидая его.

Я уже не говорю о том, может выйти какая-нибудь ошибка с адресом. Что делать тогда?

Дом был большой, и какой-то надменный.

Возможно, потому, что он стоял на склоне холма немного на отшибе или потому, что находился ближе всех к черте темного леса. У дома был и второй этаж, но что больше всего меня удивило – мезонин с крышей, поддерживаемый четырьмя колоннами и украшенный резными деревянными перильцами.

Необычный дом. Что можно сказать о его владельце? Человек явно непростой.

И все-таки странно, что дядя меня не встретил. Может, с ним что-то случилось? Или забыл, перепутал...

В любом случае, сейчас узнаю.

Громко пиликнул звонок.

Открывать мне не торопились. Я уже прикидывала, куда лучше пойти, чтобы попытаться разыскать дядюшку. Соседские дома спрятались за такими высокими заборами, что лезть туда как-то не хотелось, а место работы я его не знала.

Между прочим, денег у меня осталось не так много и снимать гостиницу я просто не потяну.

Я почти вбила в поисковик телефона запрос «Самые дешевые гостиницы Белого Лога», как тут крашенная зелёной краской деревянная дверь отворилась.

На пороге возник мужчина в синем бархатном халате и синей бархатной феске. На вид ему было лет сорок пять, невысокий, светловолосый, с глазами, словно затянутыми пленкой, надежно скрывающей это зеркало души от посторонних.

По виду – ну просто царь во дворца.

И я перед ним как несчастная забитая крестьянка.

Словно и не было телефонного разговора, в котором он вполне радушно сказал, что дом у него большой, я могу приехать и жить у него.

– Здравствуйте, дядя. Я – Ева. Я вам звонила.

Приехать к родственнику, которого видела лишь раз, было достаточно рискованной авантюрой, знаю.

Но меня подкупило то, что дядя жил на другом конце страны, где *он* уж точно не смог бы меня найти.

Молчание затягивалось.

– Приехала-таки, – резюмировал дядя вместо приветствия и посторонился, пропуская меня в дом.

– Мы же вроде бы договаривались, – пожала плечами, внедряясь в богатый коридор с бежевыми стенами и сияющими люстрами.

Дядюшка ничего не ответил, только поджал тонкие сухие губы.

Нет, не царь. Скорее, барин.

– Ну, с прибытием, племяшка, – процедил дядя, кривя губы.

Мы сидели за старинным круглым столом в центре огромной кухни, пол которой был вымощен синими и красными плитками.

Сейчас на столе сиротливо примостилась коробка кексов с вишней, которую я купила по дороге, и две чашки. Себе дя-

дя взял какую-то старинную, антикварную. Мне же достался обычный бокал.

Боже, мне уже все до такой степени ясно, что и говорить ничего не хочется. Хочется лишь спросить, почему он решил мне приехать.

Что я и сделала.

Дядюшка медлил, крупными пальцами постукивая по гладкой поверхности стола.

Я крутила на среднем пальце правой руки тонкое кольцо с небольшой жемчужиной, которое осталось мне от мамы.

Я всегда делала это, когда нервничала.

– Что ж, буду краток. Мне абсолютно наплевать на твои проблемы, а так же планы касательно будущего житья-бытья, достопочтенная племянница. Потому можешь не утомлять меня своими рассказами. Ты здесь лишь только ради двух функций. Будешь убираться в доме и готовить – сможешь здесь жить. Если нет, проваливай прямо сейчас.

Странно, но эта откровенность мне даже понравилась. Дядя не стал строить из себя доброжелательного родственника, и пошел напрямую.

Я хмуρο кивнула.

– Не надейтесь, что это продлится долго – при первой возможности я от вас съеду.

– Устроишься кассиршей во «Вкусно и точка» и снимешь жилье? – расхохотался дядюшка. – Ну, добро, добро.

– Вообще-то я собираюсь учиться. Я подала запрос в вашу

«Согинею».

Это была известная на всю страну частная академия, построенная на деньги некоего бизнесмена. Обучение там было весьма дорогостоящим, но я с замиранием сердца прочла на сайте, что поступить можно по бесплатной квоте, которую меценат давал выпускникам школ с выдающимися результатами.

Так что у меня были все шансы. Я собрала дома документы и была полна решимости поступить в «Согинею» благодаря своему собственному уму и таланту.

Дядюшка молча сидел с каменным лицом. И тут левая половина его рта медленно ползла вверх, после чего он, уже не сдерживая себя, расхохотался.

– Нет, ей богу, ты забавная зверушка! – заявил дядюшка, вытирая батистовым платочком уголки глаз. – Ты реально думаешь, что сможешь поступить туда сама?

Я поморщилась.

Угрозило же нарваться на этого сноба!

А ведь по телефону был вежливый такой, доброжелательный! «Да, конечно, приезжай, дорогая», – прощепетал.

Может, я правда адресом ошиблась? Может, на какой-то другой улице стоит какой-то другой дом, где другой дядюшка, добрый, настоящий, ждет меня не дождется?

– Я окончила лицей с золотой медалью. У меня в аттестате ни одной четверки. Так что, почему бы и да? – задрала подбородок я.

– То, что ты умеешь зубрить, как мартышка, не делает тебе чести. Чтобы поступить в «Согинею», нужно обладать неурыдными навыками, которых у тебя, моя глупая племяшка, явно нет, – сказал дядюшка презрительно. – Знаем мы эти стандарты в этих ваших провинциях. Поди, все свои пятерки получила за красивые глаза.

Интересно, почему он сразу записал меня в глупышки? Что за предубеждение?

– Вот и посмотрим, – ровно отозвалась я. – Дядя, может, вы покажете мне мою комнату? А то я устала с дороги и хотела...

Но мужчина не обратил никакого внимания. Ему явно хотелось поунижать меня и поболтать о моей глупости.

– Ну, ты и гусыня! Бесплатные места для лучших, избранных. Для блестящих. Немыслимая самонадеянность! Провалишься на первом же экзамене! Для тебя безнадежно даже мечтать об этом. Так куда пойдешь после провала? Только и останется кричать «Свободная касса!».

– Что ж, надо будет – и пойду, и буду кричать. Все профессии достойны уважения. И кассира, и дворника.

Я все заметнее крутила на своём пальце кольцо и это не укрылось от его глаз. Он смотрел на это кольцо.

Слишком внимательно смотрел.

– Вот и иди дворником, чтоб на пропитание себе зарабатывать. Потому что я обеспечивать тебя не собираюсь, – процедил сквозь зубы дядя и неожиданно выдал вот что, – Если

сможешь поступить, разрешу тебе выбрать себе для жилья любую комнату в моём доме. Абсолютно любую. Но не надейся, что тебе удастся сменить бывшую людскую на более комфортабельные апартаменты. Поступай, поступай! Пройди. Чем круче будет твой провал, тем, в конечном счете, будет веселее мне. Безмозглая мартышка, – добавил он и отвернулся, давая понять, что разговор окончен и мне следует выметаться из кухни.

Ну, я и вымелась. А что еще оставалось делать?

Не повезло с дядей, конечно... Такой мерзкий тип оказался!

Надеюсь, в будущем удастся от него съехать. А пока нужно поэкономить оставшиеся у меня деньги, обустроиться, приглядеться и заняться поступлением в академию.

Внутреннее убранство дядиного дома напоминало интерьер дворянской усадьбы восемнадцатого века с блестящим паркетом, пушистыми коврами, стенами, обитыми зелёными, красными и синими тканями, старинной мебелью и картинами в багетных рамах. Похоже, это действительно был каким-то чудом не тронутый революцией дом, а не искусно воссозданный современными дизайнерами интерьер.

Я ходила, как по музею и прямо диву давалась.

Самой темной и холодной в дядюшкином доме была маленькая угловая комнатка, отведённая мне. Бывшая людская с голыми серыми стенами, желтым диванчиком прямо на-

против окна и старомодным комодом.

Больше ничего в комнате не было, даже ковра.

Бросив сумку у дивана, я подошла к единственному окну без занавески. Прямо перед ним росла огромная ель с шершавым красноватым стволом. Из-за занавеса густых еловых ветвей сюда проникало мало дневного света. В отдалении росло несколько елей поменьше. Метрах в пятидесяти плотной стеной начинался лес.

М-да уж... Особенно приятно будет смотреть ночью на лес из этого голого окна.

Не то что бы я чего-то боялась, однако все же передвинула диван в угол.

Дядюшка без стука появился в дверях, когда раскладывала по комоду свои немногочисленные вещи.

– Ну, как? – поинтересовался он нарочито бодро. – Хотя по мне ты и такой комнаты не заслуживаешь.

Все-таки у него ко мне какое-то странное, нездоровое предубеждение.

Словно что-то за этим кроется.

Я сочла за лучшее ничего не отвечать. Он молча наблюдал за мной. Это страшно раздражало. Остановившись с пакетом в руках, я повернулась.

– Вы что-то хотели?

– Сегодня вечером со мной будут важные гости, а ты должна нам прислуживать, как настоящая горничная. Не в твоих интересах случайно, – он поставил ударение на по-

следнем слове, – как бы ненароком пролить на кого-то кипятков из чайника. Или уронить тарелку.

– Господи, нет, конечно... – закатила глаза я.

Это надо же иметь такой паршивый характер?

Реально, барин!

– В который раз убеждаюсь, что подобная внешность – признак небольшого ума. Элен Курагина отдызает, – покачал головой дядюшка и хлопнул дверью.

Не буду скрывать – когда за ним захлопнулась и входная дверь, дышать мне стало намного легче.

Выждав некоторое время, я выскользнула в коридор и пошла по анфиладе комнат. Странно, но тогда, как многие люди пытались сделать своё жилище современнее, дядюшка, наоборот, пытался сделать его старомодным.

И если мне не изменяют скромные познания, то некоторые вещи здесь, например, диван, обитый тканью в крупную сине-белую полоску в гостиной, или статуэтка гончей собаки на туалетном столике в дядиной спальне, действительно старинные и дорогие.

Побродив по первому этажу, я засомневалась в наличии здесь ванной комнаты, пока не наткнулась на невзрачную белую дверку. За ней и оказалась ванная, которой, к моему сожалению, сто лет никто не пользовался.

Здесь горела только одна тусклая лампочка, освещающая стены, обложенные старинным кафелем грязно-розового цвета, и сизый от подтёков потолок. Посредине комнаты

на высоких ножках в виде львиных лап стояла старая-пре-старая ванна, не похожая на такие, которые делают сейчас. Внутри она была вся жёлтая от извести и грязи. Из края ванны торчали два загнутых латунных крана с горячей и холодной водой, которые не работали. Больше тут ничего не было, даже зеркала.

В общем, у дяди был явно затянувшийся ремонт в ванной – печально. Очень печально.

Лампочка качнулась, и тени разбежались по кафельным стенам. На мгновение мне показалось, что они живые, а стены уходят в бесконечность. Я щелкнула выключателем и отступила назад, в свет коридора. По сравнению с этой комнатой людская показалась мне роскошным номером.

И почему дядюшка не поселил меня прямо в этой холодной жутковатой комнате? С него бы случилось.

Удивляясь его доброте, я по деревянной лестнице направилась на второй этаж, где было всего две комнаты, объединённые балконом. Миновав высокую ступеньку, подошла к резным деревянным перилам.

Дом дядюшки стоял на холме, и отсюда город был как на ладони. Смешно сказать, но я на мгновение почувствовала себя словно на картинке из детской книги сказок.

К полудню выглянуло солнце и сейчас заливало своими яркими лучами город. Он казался пестрым островом, плывущем в душном зелёном океане леса, со всех сторон его омывающим.

Правильно ли я сделала, что приехала сюда? Бросила все, все и сорвалась.

От себя не убежишь. А от *него* и подавно.

Эти слова словно прошептал кто-то за моей спиной. Я нахмурилась и даже обернулась.

Разумеется, я сделала правильно, что сбежала от навязчивых приставаний своего не вполне нормального соседа по подъезду. Как посоветовала мне подруга:

– Беги, Ев, обрубай все концы! Сейчас этот придурок вроде безобидный. А потом наступит у него обострение – подкараулит в подъезде и ножом пырнет. Кто их, этих психов разберет? Конечно, поезжай к своему дяде! Поступишь там в эту академию и будешь учиться – классно же!

Она была права. Я понимала, что просто не смогу жить спокойно в своём родном городе.

Я не могла выйти на улицу, потому что *он* сидел на лавочке и поджидал меня.

Куда бы я ни отправилась, *он* шел за мной, как уродливая тень, поджидал, выслеживал и всегда, всегда оказывался рядом, будто был призраком, а не живым человеком.

Уж лучше буду терпеть барствленные заскоки дядюшки, чем слушать ночью стук в дверь и громкие крики, будящие весь подъезд: «Пусти, любимая! Открой! Обними меня! Полюби меня! Дай мне тебя! Дай! Хочу!».

Ещё немного побродив по дому, я взялась за мытьё полов. Площадь паркета была весьма обширна, и к тому же мыть

его надо было аккуратно – какое-то там дорогое мега-супер обработанное дерево. На этом дядя сделал особенный акцент.

В довершение всего он велел натереть его мастикой, чтобы блестел, как зеркало.

С мытьём я справилась медленно, но без особых затруднений, несмотря на то, что приходилось таскать воду из колонки. Натирать же мастикой пол оказалось однообразно и тяжело.

И в три раза медленнее, чем мыть.

Я очень устала, зато полы стали зеркальными. Ну, ничего – это мне вместо тренировки в тренажерном зале.

Осталось осилить только небольшой кусок паркета в коридоре перед самой кухней – и все!

Стрелки явно антикварных часов с кукушкой подходили к девятнадцати ноль-ноль. Успею до гостей!

В глазах рябило от бесконечных узоров «елочкой», а в носу стоял специфический запах мастики.

Я поправила на голове косынку и выдохнула. Так же пришлось напялить старый вытертый халат, найденный в тряпках.

Видок у меня был еще тот!

Увлечшись, я поздно услышала голоса за входной дверью. Они пришли раньше!

Тут же зажегся яркий свет, и я увидела на пороге дядю в компании трех мужчин и двух женщин, у одной из которых

в руках были чайные розы.

Они уставились на меня, стоящую на полу, слишком уж удивлённо. Словно диковинного зверька увидели.

Почему-то первое, о чем я подумала – у девушки с розами сегодня день рождения. Короткие светлые волосы, крупные красные бусы на шее, вся какая-то утонченная, она так и светилась.

Мгновением позже до меня дошел весь комизм ситуации, потому что сейчас, в косынке, халате и классической позе Золушки, я сильно отличалась от этих праздничных и нарядных людей.

Казалось бы, что тут такого?

Ну, убирается человек, не в бальном платье же ему убираться? Зачем смотреть на меня, как на что-то крайне удивительное?

Похоже, добрый дядюшка уже успел проболтаться на мой счет.

– Это моя новая уборщица, про которую я вам уже рассказывал, – с огромным удовольствием сообщил дядя. – Не пугайтесь, господа, она не грязная и не заразная! Проходите, проходите! Бери пакеты, накрывай на стол, – последнее он прошипел мне.

– Мне надо переодеться, – так же тихо прошипела в ответ. – Это грязная рабочая одежда. Неужели вам не неудобно перед гостями?

Его глаза блестели как-то слишком уж предвкушающее.

Плевать ему было на гостей, вот что.

Зато унижить меня – это ни с чем несравнимое удовольствие.

– А тебе так больше идет. Подчеркивает статус, знаешь ли, – хихикнул дядюшка. – Мой руки и быстро на кухню! И если думаешь, что, переодевшись, ты бы выглядела приличнее, то я должен тебя разочаровать. Таки ходи теперь в этом халате и косынке.

– Да мне плевать, как я выгляжу. А вот вы, унижая меня перед ними, не особо!

Дядя задумался над последним предложением и не успел ответить, а я взяла тяжелые пакеты и понесла на кухню. Гости уже рассаживались за столом.

Им неловко было на меня смотреть.

Глупости какие!

Даже не представляю, чего им дядюшка про меня наплел.

Я хотела развернуться и уйти, но что-то меня удержало. Какой-то маленький благоразумненький голосок, говорящий, что не стоит ссориться с дядюшкой.

Засучив рукава халата куртки, я накрывала на стол.

Салаты аккуратно выложила из контейнеров с маркой магазина, где они были куплены, на тарелки. Нарезала два вида ветчины и сыра, хлеб.

Даже украсила мясную нарезку листьями салата и оливками. Из разговоров я поняла, что все эти люди – сослуживцы дядюшки, и что у одной из женщин действительно сего-

дня день рождения, который дядюшка предложил отметить у себя.

По сравнению со всеми за столом, кроме именинницы, один из мужчин был молод – лет тридцать, а может, даже меньше.

Одетый во все черное, с бледным цветом лица, который особенно бросался в глаза на фоне стоячего воротника его черной рубашки, он сидел прямо напротив кухонной стойки, где возилась я.

Прихотливый рот его был чуть болезненно сжат, а прозрачные глаза взирали на мир насмешливо и высокомерно. Вместе с этим что-то угловатое, неуверенное было в его образе.

Дядюшка называл его Владом и вообще, по-моему, души в нем не чаял.

С накрыванием стола управилась я довольно быстро. В довершение ко всему, налив в вазу воду, поставила туда розы, конечно же, при этом уколовшись. От них шел восхитительный запах, а капельки воды лежали на лепестках, как осколки стекла.

Я на мгновение замерла.

Очень люблю цветы, но эти розы – не мои.

– Я могу идти, дядюшка? – установив вазу в центре стола, спросила, скромно потупившись.

Тьфу, зачем я так оговорилась и сразу же привлекла внимание?

Пусть бы и дальше дядюшка играл в «барина и его горничную», плевать.

Воцарилось молчание.

– Дядюшка? Так это, оказывается, племянница? А сказал, новенькая уборщица, старый шутник! – захохотал кто-то из друзей дяди. – Говорил, все родственники умерли, а тут такая... Особа. И как её зовут?

Как же это противно, когда о тебе говорят в третьем лице. Да еще и называют «особой».

Дядя помалкивал.

Может, он забыл моё имя?

Ну, я напомним.

– Ева, – громко произнесла я таким тоном, что присутствующие не могли не обернуться на меня. – Меня зовут Ева.

– Браун? – послышался спокойный холодный голос, словно ледышки друг о друга ударились.

Не знаю, чего этот черный, как ворона, Влад ожидал. Может быть, того, что я вытаращу глаза и спрошу: «А кто это?».

– Не думаю, что у меня есть хоть сколь что-то общее с женой Адольфа Гитлера, – я поправила спадающую косынку. – Впрочем, она пробыла в этом статусе официально всего тридцать шесть часов или...

– Какие познания, я поражен, – бесцеремонно перебил Влад.

– Ты видишь меня от силы двадцать минут. Разве можно составить правдивое мнение о человеке за такое корот-

кое время? И, раз уж тут вы все, как я вижу, претендуете на комильфо... Вообще-то, перебивать собеседника – признак дурного тона.

– Поверь, достаточное, – даже как-то устало отмахнулся противный парень в черном. – Тебе ли мне рассказывать о дурном тоне? Ты приехала сюда из провинции, прочитав пару книжек из вашей деревенской библиотеки, и считаешь себя очень умной и образованной. По-любому мечтаешь о красивом и богатом принце с квартирой и машиной. Куда ж без него? Заодно выслуживаешься перед дядей в надежде, что тебе от него что-то перепадет. И невдомек бедной глупой девочке, что её удел – возвращение в сельскую местность, какой-нибудь Федя-тракторист, и перепих в стоге сена под блеянье коз.

Мои глаза расширились.

Даже дядя не зашел бы так далеко. Но его школа, определённо.

Влад смотрел на меня в упор холодно и уверенно.

Напряжённое молчание за столом.

Это оскорбление!

Мерзкое и гадкое оскорбление!

Я же ничего им не сделала. Почему на меня смотрят, как на существо низшего круга?

Просто невозможно было подобрать слова от обиды. Влад вопросительно вскинул брови, как бы желая сказать: «Что, кишка тонка ответить?» и безразлично отвернулся.

Я же вылетела из кухни, ударившись локтем о дверной косяк.

Щеки горели, словно меня по ним отхлестали.

На ходу скинула косынку, рванула пуговицы халата и выскочила из него. Брезгливо отшвырнула тряпку от себя и теперь шагала по коридору в одном нижнем белье.

То, что кто-нибудь может выглянуть из кухни и все увидеть, меня не волновало.

К чертям собачьим и дядюшку и его гостей!

Не подозревала, что люди могут быть такими... Такими высокомерными и предвзятыми!

Я подошла к двери своей комнаты и рывком дернула её на себя. Прежде, чем войти, все же оглянулась.

Уже начиная жалеть о сделанном, я понадеялась, что никто не видел моего демарша.

Напрасно.

В дверях кухни, прислонившись к косяку, стоял Влад.

Ни о чем не жалею. Ни о чем. Надо было этот халат вообще ему прямо в рожу швырнуть!

Я отвернулась и затворила дверь.

Да пошел он!

В конце концов, ничего страшного не произошло.

Белье у меня самое обычное, вроде купальника, только немного с кружевом. Фигура тоже ничего.

А этот мерзкий Влад – надеюсь, больше его не увижу.

И вообще, как можно меньше контактов с дядей – и все будет хорошо.

И пусть эти гости на меня смотрели, как на пустое место, или вернее, как на какую-то провинциальную матрешку. Для них я – глупая провинциалка. Ну и что с того?

Переживем. Я здесь всего лишь первый день.

Чуть-чуть осмотрюсь, и сбегу из этого бонтонного дома, обязательно сбегу!

Главное, что основная проблема решена. А остальное можно и потерпеть.

Не включая света, я подошла к окну.

В этих краях смеркалось рано. Передо мной стоял лес. В почти сгустившейся темноте казалось – он намного ближе.

По кронам деревьев пробегало легкое движение, но страха оно у меня не вызывало. Я слышала, что в здешних лесах водятся дикие звери, но какими бы дикими они не были, они не станут ломиться в дом.

Вскоре на траву легли ночные тени, а я легла в постель.

Из гостиной слышались голоса и звуки вальса. Кажется, они устроили танцы. Надо же, просто какое-то светское об-

щество.

Куда я попала?

Вставила наушники плеера в уши и закрыла глаза.

Как же я скучала по дому! Он не был похож на музей.

Это был просто... дом. И там была настоящая ванная.

Мои любимые книги. Мой кот Манчкин. Он такой беззащитный и, наверное, страшно по мне скучает. И он не дома, а у знакомых.

Когда чуть-чуть освоюсь в Белом Логе, то обязательно заберу его.

А дома сейчас пусто, темно и тихо.

Лишь по одному я не испытывала никакой грусти. По одинокой фигурке соседа, сидящего на ступеньках лестничной клетки напротив моей двери.

Он уже понял, что я сбежала.

Ну что ж, ему давно пора осознать, что никакая мы не пара!

ГЛАВА 2

Поступление в академию

Июль перевалил за средину, и уже ни о чем, кроме конкурса в академии «Согинея», я думать не могла. Мама говорила, чтобы я получила высшее образование, да и сама я чувствовала потребность учиться дальше. А ещё очень хотелось показать дорогому дядюшке, что выиграть конкурс в моих силах.

Дома, просматривая в Интернете информацию о Белом Логе, я совершенно случайно наткнулась на сайт академии и удивилась, что такое престижное учебное заведение есть в таком далеком от столицы городе. Впрочем, судя по тому, что я прочитала, Белый Лог был местным областным центром и считался весьма богатым городом. Его даже называли жемчужиной Сибири.

Вот только времени оценить его достопримечательности у меня пока что не было.

Я только и делала, что усердно готовилась к конкурсу. Два первых экзамена были выдержаны на проходной балл. Предстоял третий – экзамен по литературе.

Это я считала самым легким. Уже почти выдохнула и поздравляла себя с победой, но тут...

Удача отвернулась.

Стены обшиты панелями вишневого цвета. Окна распахнуты, но в них не видно ничего, кроме верхушек деревьев. Аудитория забита до отказа – человек сто тут точно есть, и это только первая группа сдающих экзамен по литературе.

Претендентов на несколько благословенных мест в «Согинее» почти, как в МГУ. Здесь призы всяких олимпиад и вообще различные умники.

Я жду, когда члены жюри дадут мне листок с темой сочинения, и стараюсь не пасовать перед призерами и умниками.

Меньше всего я боялась последнего экзамена, потому что читать любила, и в школе сочинения ниоткуда не списывала. Всегда имелись какие-то свои мысли.

Учитель по литературе даже находил их оригинальными. Но всё рухнуло, когда я увидела надпись на своём листке.
«Л.Кэрролл. Алиса в Стране Чудес. Эссе на вольную тему».

Льюис Кэрролл не вызывал у меня даже малейшей симпатии. Так же, как и его знаменитая книга, до которой мои руки дошли очень поздно, а именно в поезде по дороге в этот край.

Знаменитую «Алису» я даже не дочитала.

Просто не выдержала этого бреда с претензией на занимательность и своеобразие, с бессмысленными диалогами и противными героями.

Дойдя до сцены, где разумная девочка то увеличивалась, то уменьшалась, я даже почувствовала головную боль, как

будто это со мной происходили такие неприятные метаморфозы.

Полистав в конце биографию Кэрролла, отнесла книгу в разряд дурацких, тут же удалила с читалки своего телефона и со спокойным сердцем развлекалась милым романтическим фэнтези с сайта самиздата.

И вот – такая незадача.

Что писать в сочинении по оной, я совершенно не представляла, так как даже не узнала, чем там закончилось дело.

До конца экзамена оставалось около пятнадцати минут, когда я наконец-то выжала из себя первое предложение.

Я пыталась быть объективной, но понимала, что из сочинения получилась лишь одна злостная, необъективная и свариливая критика.

Не люблю переживать раньше времени.

Однако, кладя свой мало исписанный листок на толстую стопку сильно исписанных листков, я подумала, что этот экзамен, скорее всего, бесславно провален.

Стало втрое обидно, потому что мои результаты за первые два испытания были одними из лучших. И кто придумал включать в третий экзамен сочинение по бестолковой детской книжке, которая все испортила?

Я была согласна даже написать критическую статью на сатиры Антиоха Кантемира! Да хоть, на Салтыкова-Щедрина! Да даже Некрасова!

Но этот неадекватный заморский Кэрролл?

Посоветовав себе не злиться и философски отнестись к этому фиаско, я заспешила, так как дел на сегодня запланировано было много.

Дядюшка признавал свежие натуральные продукты, которые продавались, как он считал, только на рынке.

Два раза в неделю я ездила туда с пересадкой, возвращаясь усталая, с тяжеленными пакетами, от которых потом крутило руки. Поэтому мысли быстро переключились на то, чтобы ненароком не забыть взять какой-нибудь несчастный чек, наличие которых дядя строго проверял.

Внезапно мое внимание привлекла деревянная дверь, вернее, даже не дверь, а коричневые буквы, выбитые на золотой табличке рядом с ней.

Там говорилось, что за этой дверью скрывается кафедра словесного искусства, рядом же с должностью заведующего кафедрой стояли фамилия, имя и отчество дяди.

Черт!

Нет, не так...

Не просто черт, а че-о-о-о-орт!

Новость о том, что мой милый, доброжелательный и простой в общении родственничек возглавляет в «Согинее» кафедру, является профессором и ничего об этом мне не сказал, стала просто ударом под дых.

Мои шансы, и без того значительно уменьшившиеся после третьего экзамена, окончательно упали.

Даже если невероятным чудом получится взять одно из

бесплатных мест, дяде стоит только шепнуть – и моя победа превратиться в поражение.

Весь оставшийся день больше ни о чем, как о своём фатальном невезении и дядюшкином необыкновенном коварстве, я думать не могла.

Когда, протолкавшись на рынке около двух часов, я, нагруженная тяжеленными пакетами, стояла на остановке, до меня вдруг дошло, что все-таки забыла взять чек за апельсины.

Возвращаться за чеком уже не было сил, и я махнула на него рукой, прекрасно зная, что дядюшка будет рвать и метать.

Я должна была отчитываться, что не присвоила ни копейки из его денег.

Содержимое пакетов было тщательнейшим образом сверено с предъявленными чеками и со списком, врученным мне дядюшкой сегодня утром. Отсутствие чека за мандарины позволило дяде предположить, что они стоили меньше названной суммы, а разницу я присвоила.

Я стояла перед ним, вольготно рассевшимся в кресле в гостиной, и мне очень хотелось тоже сесть и просто закрыть глаза, не слыша того, что он мне сейчас скажет.

– Я ничего не присваивала. Если не верите, езжайте на рынок и посмотрите сколько стоят эти ваши... – пытаюсь сдержаться, я замолчала, но не выдержала и повысила тон, – чертовы цитрусовые!

–Так-так-так, – нехорошо улыбаясь, покачал головой дядя. – Мне кажется, ты забыла, как выглядит вся ситуация. Позволь же мне напомнить. В этом доме ты никто. Поэтому делай, как тебе велели, и не думай даже мечтать, что в этой жизни ты имеешь или займешь в будущем какой-то вес. Если же ты будешь это воображать, так и на вокзале оказаться можно.

Такое обращение со мной было для него самым обычным делом. Со временем оскорбления становились более изощрёнными, а эпитеты, которыми он меня награждал, более красочными. И все же, прожив в этом доме две недели, я очень мало знала о личной жизни его хозяина.

Например, я до сегодняшнего дня не догадывалась, где он работает. Он же и не думал поинтересоваться, что заставило меня приехать в этот город, или что с моими родителями или на какие деньги я покупаю себе продукты.

В тот вечер я рано легла спать, но уснуть не могла, всё ворочалась и гадала, что же мне делать, если я не выиграю одно из стипендионных мест. Ничего путного в голову не пришло, а будущее представлялось тёмным и безрадостным.

Так я промучилась около двух недель, уже начиная потихоньку подыскивать работу. Понимала, что, скорее всего, о «Согинее» следует забыть. Две недели – слишком большой срок и о положительном решении я бы уже знала. Поэтому, обнаружив одним прекрасным утром в почтовом ящике среди рекламных проспектов письмо, адресованное мне, удиви-

лась.

От кого оно?

Ведь дядюшкиного адреса я нигде не указывала.

Нигде... Кроме анкеты, которую заполняла при подаче документов в «Согинею».

Рекламки, столь тщательно прочитываемые дядюшкой, разлетелись пёстрым веером по крыльцу. Я разорвала конверт и на красивой мелованной бумаге прочитала о том, что по результатам трёх испытаний, в ходе которых я обнаружила «творческие способности, острый ум, а так же способность отстаивать своё мнение», я зачислена в академию «Согинея».

Сказать, что я была счастлива – это ничего не сказать.

Черт возьми, у меня все-таки получилось!

Не могу поверить! Не могу поверить...

А ведь правда, как мог дядя допустить моё поступление в академию и этим практически признать своё поражение в первом раунде нашего противостояния? И ещё... ему ведь придётся выполнять своё обещание – разрешить мне переехать из серой душной комнаты без занавесок туда, куда я захочу. Это уж совсем фантастика.

Вдруг дядюшка не так уж и плох, и просто кажется таким мерзким снобом, а сердце у него доброе и чуткое? Но, глядя, как он мнет уголок письма, еле сдерживаясь, чтобы не порвать лист в клочья и швырнуть их мне в лицо, я поняла, что новости он рад несильно.

— Ну, что ж, племяннушка, — с каким-то непонятым подтекстом сказал дядя, первый раз назвав меня этим словом, — можешь собирать свои жалкие вещички и перебираться на второй этаж! По крайней мере, я видеть твою мордашку буду реже...

Хотя я и не могла отделаться от ощущения какого-то подвоха, но спрашивать его напрямую ни о чем не решилась. И дело тут было не в кристальной честности дядюшки, это точно. Он уже показал, каким подлым может быть. На всякий случай, съездив в «Согинею», я убедилась, что действительно зачислена на первый курс и первого сентября меня в академии с нетерпением ждут.

Сама я тоже с нетерпением ждала первого сентября, потому как надеялась, что с началом учебы что-то в моей жизни изменится в лучшую сторону. Например, познакомлюсь с одноклассниками, буду веселиться и тусить и совсем забуду про свои кошмары. Вообще, активисты уже создали для нашей группы чат, но там пока было мертво, как в пустыне.

Я покинула серую душную комнату с облегчением и под дядюшкины недовольные взгляды перенесла свои немногочисленные вещи на второй этаж, в милую комнатушку, которую уже давно приметил.

Деревянный потолок со скатом, пол, устланный тонким ковром теплого персикового цвета, тяжелые синие ночные занавески, полки с разноцветными книгами и разными фигурками, кровать с белым тюлевым пологом и большой бал-

кон с потрясающим видом на город – после тёмной серой клетки эта комната была мне раем.

Переселение состоялось накануне первого сентября, и на следующий день я, одетая в свое самое лучшее платье, подходила к дверям академии «Согинея».

Фасад – прямая стена благородного цвета беж без всяких украшений, четыре этажа под крышей из тёмно-зелёной черепицы, узкие длинные окна с коричневыми стёклами...

Это было очень красивое, даже величественное здание в духе викторианских особняков или академии из фильма про вампиров.

Кажется, у меня даже ёкнуло сердце, когда потянула на себя коричневую пластиковую дверь. Конечно, я уже бывала в этом здании, но как-то особо к нему не приглядывалась. Теперь же, когда пришла сюда учиться, то смотрела вокруг немного другими глазами. Мимо проходили молодые люди, возможно, некоторые из них были моими будущими одногруппниками. Надеюсь, они окажутся хорошими ребятами, потому что в этом городе мне пора уже завести если не друзей, то хотя бы приятелей.

От общения с одним только дядюшкой у меня может развиться комплекс неполноценности.

На третьем этаже, где находился нужный факультет, меня встретили и препроводили в большую аудиторию, расположенную амфитеатром и примерно на четверть заполненную. Я заняла место где-то в середине «лесенки», и принялась с

интересом разглядывать своих сокурсников.

Ровно в 10.10. двери аудитории закрылись, и слово взяла декан факультета – статная женщина в синем шелковом костюме. Она и взяла слово.

– Совершенно необразованный человек может разве что обчистить товарный вагон, тогда как выпускник университета может украсть железную дорогу, – произнесла она и замолчала, давая нам возможность переварить услышанное. – Вы ждете от меня традиционных, набивших оскомину слов о том, что мы рады приветствовать вас, впервые переступивших порог этого здания в качестве студентов академии «Согинея». Конечно же, я должна вам сказать о том, что наша академия существует не так много времени, но уже успела зарекомендовать себя только с положительной стороны и о том, что наши выпускники высоко ценятся в Москве и Санкт-Петербурге. И о том, что многие мечтают учиться здесь, но сегодня их мечта стала вашей реальностью. Все эти слова направлены на то, чтобы вы почувствовали себя избранными. Я должна доброжелательно выразить надежду, что вам у нас понравится. Но я терпеть не могу все эти традиционные речи и скажу лишь одно... Первокурсники, добро пожаловать в вашу alma mater! Познакомьтесь с людьми, которые будут с вами на протяжении пяти лет.

Речь мне понравилась, особенно прикольная цитата про товарный вагон и железную дорогу. Я даже забила по-быстрому в телефоне, кто это сказал. Оказалось, аж сам Теодор

Рузвельт!

Тем временем декан стала представлять преподавателей, которые будут у нас вести. Преподаватели уже подходили к концу, когда двери аудитории распахнулась, и возник дядюшка. Выглядел очень благообразно, и, я бы даже сказала, добродушно.

Не извинившись за опоздание, уселся в центре преподавательского стола, мазнув по мне глазами. Добродушие мигом с него слетело, но благообразность осталась.

А декан и сама уже улыбнулась, представив дядю по имени, фамилии и отчеству как «нашего дорогого, любимого, лучшего» профессора словесности. Который, к величайшему сожалению, читает лекции только у четвёртого курса! Так что первокурсникам, увы, не повезло.

Ну да, ну да...

Такая подчеркнутая теплота декана в отношении дядюшки ещё раз навела меня на мысль о том, что он здесь человек не последний и мог без проблем сделать так, чтобы я сюда зачислена не была.

Учитывая моё весьма посредственное сочинение...

У доски объявлений в коридоре образовалась большая толпа, разглядывающая уже вывешенное расписание пар. Как странно звучит – у меня теперь не уроки, а пары. На мгновение оказавшись у заветной доски, я успела увидеть свою фамилию в списке двенадцатой группы.

Сейчас должна начаться мировая литература в аудитории,

из которой мы все только что вышли.

Преподаватель – Змейский В.В.

Группа двенадцать, к которой теперь относилась и я, свободно рассаживалась на двух первых рядах амфитеатра. Друг на друга почему-то никто не смотрел, никто ни с кем не заговаривал, и здороваться не спешил. Глянув тёмными блестящими глазами, рядом уселась девушка яркой восточной внешности. Достав из сумки тетрадь и ручку, она отвернулась к окну.

Прозвенел первый звонок. Шум за закрытой дверью сменился тишиной.

Прошло пятнадцать минут, когда тишина и в нашей аудитории уже стала по-настоящему напрягать.

Интересно, придет ли преподаватель? Может, о нас забыли?

– Вообще-то, если препода нет пятнадцать минут, то мы имеем право уйти, – раздался уверенный голос светловолосого кудрявого парня в первом ряду.

Не успела разрозненная группа двенадцать удивиться тому, что кто-то что-то сказал, а тем более осмыслить сказанное, как дверь открылась, и в аудиторию с ноутбуком в одной руке и папкой в другой вошел Влад.

Тот самый Влад, который пришел к дядюшке в гости и оскорбил меня в день приезда!

Ну, конечно же, между собой гости говорили так, как будто работают в одном месте. А я уже забыла и о нём и о том

ужасном вечере вообще, только мельком подумалось однажды – как хорошо, что к дяде больше никто не приходит.

Передать не могу, как же я рада тебя видеть, дорогой ты мой! Просто счастлива, что ты ведёшь мировую литературу, и я буду видеть тебя два раза в неделю, а то и больше.

И буду сдавать тебе экзамен. И зачет. И, вполне возможно, какие-нибудь курсовые работы...

Черт бы тебя побрал!

Однако пока в мою сторону он и не глядел. Аккуратно положив свой ноутбук и папку на преподавательский стол, он встал перед нами весь в черном.

Даже рубашка и ботинки. Даже папка у него была черная. Может, Влад думал, что выглядит элегантно, но костюм сидел на нем как-то неладно.

Он немного сутулился, и вообще вся его черная фигура была нелепа и угловата. Это резко контрастировало с высокомерным взглядом.

Группа смотрела на Влада, явно пытаясь прикинуть, что это за птица. Ворона, ребята, ворона. Уж я-то знаю.

– Меня зовут Влад Вячеславович, – раздался его холодный голос. – На протяжении этого и следующего семестра мы с вами будем встречаться на лекциях и практике по мировой литературе.

В течение последовавшей паузы он неловко перебирал какие-то бумаги в своей черной папке. Наверное, искал список группы.

Но вместо того, чтобы достать этот список и начать зачитывать фамилии, он заявил:

– Для начала хочу сказать, нахождение в вашей группе меня уже утомляет.

Нет, ну совершенно асоциальный тип!

– Почему же это, интересно? – с неприязнью спросил парень, который проинформировал нас о праве уйти с пары.

– Я не люблю метать бисер перед свиньями, – произнёс Влад, оглядывая всю группу прозрачными глазами. – Я смотрю на вас и вижу лишь пустые лица мажоров, привыкших, что им все достаётся на блюдечке с голубой каёмочкой. Одежда, деньги, машины... А внутри у вас – пошлость, бессилие и ранняя опустошенность сердца. Я тяжело переношу таких людей.

– Какое многообещающее начало, – раздался в гробовой тишине чей-то шепот. – А мы будем тяжело переносить Влада Вячеславовича.

– Если я сейчас спрошу, кто это сказал, – продолжил Влад, которого, судя по виду, это совершенно не задело, – то ему даже не хватит смелости признаться. Так? Да, начало многообещающее. Ведь вы в принципе не можете воспринять и уложить в своих головах и четверть того, о чем я буду вам говорить. Но мне платят за это деньги, а я, в отличие от вас, свои деньги отрабатываю честно.

– А как насчет тех, кто выиграл конкурс стипендий и за кого не платят родители? Кто доходит до всего своей го-

ловой? Может, хотя бы такие люди заслужили ваше уважение? – неожиданно подала голос девушка рядом со мной.

– Амина Керимова, если я не ошибаюсь, – сощурился Влад. – Вы – одна из победительниц этого конкурса...

Керимова польщено кивнула.

Наверное, подумала, что он будет её хвалить.

– Амина... – протянул Влад, словно пробуя что-то противное. – Помню ваше сочинение. Давно не читал такой поверхностной галиматьи. Я понимаю, что русский язык вам не родной, но вы бы хоть чуть-чуть постарались изложить мысли внятно. Шли бы, что ли, к торговому центру лучше, людям по руке гадали. И то больше пользы от вас было.

Интересно, этот придурок Влад хоть понимает, что творит?

Понимает, что с первых же минут настраивает дружелюбную в принципе аудиторию резко против себя?

– Вы... вы наговорили здесь столько, – дрожащим голосом начала Амина, – что... что вас уволят! Мы подадим в суд за оскорбление личности!

– Оскорбление личности... суд... Вы смешны, – презрительно бросил Влад. – Я разочарован, что придётся работать с таким материалом. Немного плебса, который считает себя достойным выйти в элиту, и немного плебса, который считает, что уже в элите.

Амина сидела, устремив взгляд в парту. Румянец стал заметен даже на ее смуглых щеках.

В воцарившейся тишине стало слышно, как в коридоре две девушки оживлённо разговаривают о каком-то Стасике и о новых туфлях.

– Тоже плебс, – фыркнул Влад Вячеславович в полной тишине. – Что ж, продолжим о победителях конкурса. Первое занятие мы посвятим разбору сочинения одного из них, а в конце пары я назову вам имя человека, написавшего опус, повеселивший почти всю коллегия, проверяющую конкурсные сочинения.

Я почувствовала холодок где-то в груди, ещё пока не понимая, откуда он взялся.

А Влад как ни в чем не бывало объявил:

– Абитуриент писал о известной, думаю, даже вам «Алисе в стране чудес».

И он отвратительным голосом принялся читать моё сочинение. Я противник чтения вслух сочинений, даже самых лучших, потому что это неправильно, когда личные мысли одного человека звучат в устах чужого человека.

Влад Вячеславович не только читал, но так остроумно комментировал моё сочинение, что, несмотря на установившееся к нему негативное отношение, группа не могла удержаться от хохота.

Он вывернул всё так, что даже полная Эльвира, переглянувшись со своей соседкой по парте, произнесла:

– Прям интересно, это кто же такое... такую муть написал, а, Влад Вячеславович?

Прозвучало насмешливо и угодливо. После того, как начался разбор грубейших ошибок по пунктам, авторство сочинения стало главной интригой пары.

Большинство считало, что это неисправимый двоечник и недоумевало, как ему дали одно из конкурсных мест.

К концу пары я узнала о себе много нового – от того, что у меня поверхностное мышление и совершенно нет фантазии до того, что у меня злобный завистливый характер.

Кто-то даже с тонким психологизмом высказал мысль о том, что автор сочинения, возможно, «подвергся насилию» и «закрыл ворота своей волшебной страны на засов» и «с тех пор живет в грубой реальности, где нет места воображению и чуду».

Помимо своей воли на протяжении всего времени, пока с азартом громили моё сочинение, я сидела и краснела. Никогда не замечала за собой такой особенности, впрочем, меня никогда и не подвергали подобному обсуждению.

Если кто-то из группы посмотрел вокруг внимательнее, то догадался об авторстве по одному лишь моему виду.

За всю пару Влад Вячеславович так ни разу на меня не взглянул, даже для того, чтобы полюбоваться ярко-алым цветом моего лица. Наверное, это означало высшую степень его пренебрежения.

Мой час приближался. По сути, тут нет страшного – ну, поругали, протащили, с кем не бывает?

Но обидно и неприятно, что в новой группе на первой же

паре тебя выставляют совершенной дурочкой.

– А по-моему, – вдруг сказала Амина, в обсуждении не участвующая, – после того, что вы сейчас наговорили, называть имя этого человека подло. Я обращаюсь не к преподавателю, а к группе, – подчеркнуто добавила она.

– На моей паре, Керимова, – осадил Влад, – вы не имеете права обращаться к группе, пока я вам этого не позволю.

– Вообще-то да, – раздался с самой последней парты хрипловатый голос парня, чем-то неуловимо похожего на Железного дровосека. – Какая разница, кто совершил эти ошибки? Главное, что...

– Ева Ранг, – спокойно перебил Дровосека Влад, и сразу воцарилась тишина. – Если такая здесь есть, то, будьте так добры, встаньте.

Я поднялась. Наконец этот подлый человек обратил на меня взгляд своих северно-ледовитых глаз.

Под этим взглядом мне показалось, что я тот час превращусь в ледяную скульптуру.

– Могу я задать вопрос, Влад Вячеславович? Если я такая бездарность, то почему получила за этот экзамен проходной балл?

– Это два вопроса, – заметил Влад и поморщился. – Кто проверяет сочинение, тот и ставит баллы, Ева Ранг. К сожалению, ваше позорное творение проверял не я.

– Получатся, что кто-то все же посчитал его достойным?

– Всего лишь один преподаватель. И он не раз заставлял

весь факультет сомневаться в своей компетентности. Вы пытаетесь сделать хорошую мину при плохой игре, плебейская девочка с претенциозным именем Ева и с ещё более претенциозной фамилией Ранг. Ты все равно кончишь так, как я тебе говорил, – перейдя на «ты», он отвернулся, обращаясь уже ко всей группе. – К следующему семинару вам нужно будет написать сочинение по «Алисе в стране чудес», соблюдая все каноны жанра и не допуская ошибок Ранг. А вы, Ранг, составьте себе труд дочитать книгу. Я буду спрашивать вас по содержанию.

Кажется, дядя и Влад создали небольшую, но вдохновленную коалицию против меня.

Уж слишком увлечённо то один, то второй пытаются толковать мне, что я никто.

Влад между тем забрал свой ноутбук и папку и, ни на кого не глядя, вышел из аудитории.

Группа зашумела. Он оставил негативное впечатление о себе, что как ни странно, повлияло на сплочение группы.

– А мне твоё сочинение очень понравилось, Ева, – услышала я тихий голос соседки по парте. – Не понимаю, как ему удалось убедить всех, что оно ужасно?

Я поблагодарила, но призналась, что действительно не дочитала книгу до конца и написала сочинение за пятнадцать минут.

Амина красноречиво показала на дверь, за которой только что скрылся преподаватель, и состроила до того вырази-

тельную мину, что я улыбнулась.

На следующем занятии мы снова сели рядом. К счастью, больше никаких неприятных сюрпризов день не преподнёс. Даже наоборот, плохой осадок от занятия по литературе развеялся, и из здания я вышла с почти легким сердцем.

Оставалось ещё немного денег, которые можно потратить просто так, и меня ждало мороженое в компании Амины и ещё двух девчонок из группы. Только одно немного омрачило моё хорошее настроение – семинар Влада через два дня.

Когда в кафе зашел разговор о нём, мнения, как ни странно, разделились. Он по-настоящему не понравился только мне и Амине. Ещё одна девчонка, Лиля, не могла сказать о нём ни плохого, ни хорошего, сославшись на то, что мы его плохо знаем.

А Эльвира заявила:

– Конечно, он странный. И плохо сделал, что выставил тебя полной идиоткой, Ева. Но согласись, как все же профессионально Влад разобрал твоё сочинение! А еще, он такой кра-а-асивый...

Красивый?!

Соглашаться я не стала, так как случайно засунула в рот слишком большой кусок холоднящего мороженого и временно потеряла возможность говорить внятно.

Когда же вновь её обрела, разговор шел о другом.

Весь следующий день меня занимали какие-то хозяйственные дела, и о задании Влада вспомнила только в вечер

перед семинаром.

Для того, чтобы это самое задание выполнить, нужна была «Алиса в стране чудес». Интернет в доме дяди работал из рук вон плохо. А сегодня, как назло, вообще не грузил. И зачем я только удалила книгу с телефона!

Порыскав по дядюшкиному дому (благо он сам отсутствовал) и не найдя проклятушей книги, но зато разобравшись в одном из его книжных шкафов, я уже была готова впасть в отчаяние.

И тут в одной из книг на третьей странице обнаружился библиотечный штамп с адресом.

Выходило, что тут неподалёку есть библиотека.

Возликовав сердцем, я быстренько переписала адрес на бумажку, собралась и, захватив паспорт, отправилась на поиски здешней библиотеки.

Надеюсь, она работает до восьми вечера!

Летом я почти каждый вечер выходила на коротенькую прогулку, впрочем, не отходя далеко от дядиного дома. Поэтому сейчас почти уверенно шагала по дорожке мимо леса, затем свернув в частный сектор.

После некоторых плутаний и двух обращений к мудрости местных жителей я вышла, наконец, к приземистой жилой пятиэтажке, с торца которой и находилось нужное мне заведение.

Маленькая бесцветная вывеска гласила, что библиотека работает с одиннадцати утра до девяти вечера.

– Издалека ты к нам заехала, – заметила библиотекарьша, заполняя чистый формуляр.

Я тем временем листала принесённую ей ненавистную «Алису в стране чудес» – очень странный экземпляр с совершенно дикими иллюстрациями. От одних таких картинок кошмары начнут сниться!

Благо, с переездом в Белый Лог они перестали меня мучить. И тут такая незадача!

– Да-а... – неопределённо отозвалась я.

Ночь в компании с Кэрроллом обещала быть весёлой.

– Поступила куда-нибудь? – обратила внимание на мой возраст женщина.

– В «Согинею», – отозвалась я машинально. – Выиграла конкурс Сергея Арского, ну который ее основатель.

– Да ты что? Молодец! – удивилась библиотекарьша и посмотрела на меня с возрастающим интересом.

– Странно... И что заставило тебя покинуть центр России и переехать в нашу глухомань...

– Да вроде, Белый Лог – достаточно богатый город.

– Богатый-то богатый, а все равно от цивилизации далеко. Особенно, когда зимой дороги заметает. По несколько дней бывает тут сидим, отрезанные от всего света. Место такое. Кто-то говорит – проклятое.

– Seriously? И кто же его проклял?

– Да так, глупости, городские легенды, – туманно ответила библиотекарьша и перевела тему.

Мы еще немного поболтали и я собралась откланяться.

– Подожди, Ева, – остановила женщина неуверенно. – Я подумала... Тебе ведь, наверное, нужны деньги... Не хочешь здесь подрабатывать? Сможешь совмещать работу с учебой, чем плохо?

Я оглядела зал со старенькими стеллажами, вдоль и поперек уставленными книгами. В светло-зелёном линолеуме отражался свет электрических ламп.

О такой удаче можно было только мечтать. Деньги, которые я привезла с собой, подошли к концу, и поиском подработки я собиралась заняться с завтрашнего дня, пережив занятие Влада Вячеславовича.

– Здесь мало платят, да и место такое затерянное... Медвежий угол, одним словом. Вот никто и не идет. Я вообще-то тут и заведующая, и библиотекарь, и уборщица. И мне тяжело, тем более работает библиотека без выходных. Если согласишься, пусть даже на неполный день, мне станет намного легче. А рабочий график мы согласуем с твоим расписанием занятий. Ну, как?

Согласилась я, не раздумывая, и теперь спешила по узким улочкам восвояси, радостно помахивая рюкзаком с «Алисой в стране чудес».

Все дядюшкины поручения по дому я сделала с таким расчетом, что вечер остался свободным. Прощмыгнув мимо кухни, где дядя пил свой вечерний чай, направилась в свою

комнату.

Однако до лестницы так и не добралась – остановил повелительный голос:

– Ева!

Так, снова дядюшка включил «барина».

Пришлось вернуться, склонить голову и сложить руки, аки бедная служаночка.

Дядюшка, смакуя, сделал глоток чая из своей чашки, не торопясь сообщить, зачем позвал меня под свои ясны очи.

– Дядя?

– Ну, как впечатления от «Согинеи»? – поинтересовался он со злорадством.

– Отлично, – не стала разочаровывать я.

– Не ври. В первый же день ты успела стать посмешищем всей группы. Какая же ты бестолковая!

– Влад Вячеславович, вижу, уже рассказал вам?

– Я вот что тебе хочу давно сказать... племяннушка, – подался дядя вперёд, почти отшвырнув от себя чашку, так что больше половины чая пролилось на оттертый мной до стерильности стол. – То, что ты поступила, ещё ничего не значит. Тебе просто повезло. Твоей заслуги в этом ни капли. В моих глазах ты продолжаешь оставаться глупой тетёхой и прислугой. И только попробуй еще хоть кому-нибудь там заикнуться, что ты моя родственница. Вытри и налей мне новый, – он закинул ногу на ногу и указал на коричневую лужу чая.

Я вытерла лужу и налила ему новую чашку.

– Могу идти? – с плохо скрываемым раздражением буркнула я.

– Тон попроще сделай, – отозвался милый дядюшка. – Более... – он щелкнул пальцами, подбирая нужное слово, – добавляющим.

Чувствуя, как внутри поднимается волна злобы, я молчала.

Дядюшка выжидательно смотрел мне в глаза, не сомневаясь, что сделаю так, как он велел.

Я и сама не сомневалась, что так будет лучше.

– Не буду! – выпалила я, развернулась и быстрым шагом поспешила на второй этаж, где заперла свою комнату на замок.

Облегченно выдохнула, прислушиваясь.

Вполне возможно, он сейчас поднимается по лестнице с требованием выметаться из его дома. Но, как ни странно, в коридоре было тихо. Откинув полог, я устроилась на кровати и принялась внимательно изучать «Алису», особо тёмные для себя места даже конспектируя.

Я так и осталась при мнении, что книга отвратительная, но написала сочинение, которое получилось не таким злобным и критичным, как предыдущее.

С успокаивающей мыслью, что Влад Вячеславович все равно найдёт к чему придраться, уснула в полпервого ночи.

Мне снилось чаепитие у Мартовского Зайца. И это было

закономерно.

Утром я специально встала пораньше, чтобы не опоздать на семинар по мировой литературе, который стоял в расписании первой парой. Имея в запасе восемь минут, я все равно почти бежала по коридору академии, умудряясь на ходу что-то вычитывать из своего краткого конспекта, освежая в памяти имена и основные события этой дурацкой сказки.

Так... какая-то Мышь, какая-то Птица Додо, курящая гусеница... Интуиция подсказывала, что сегодня Влад Вячеславович специально придет раньше времени, дабы как следует отчитать опоздавших.

В общем, я спешила, уткнувшись в тетрадь и ничего не замечая вокруг.

– Ева!

Голос человека, точно громом поражённого. Я подняла глаза. Предо мной стоял Гай.

ГЛАВА 3

Гадание на монетке

Я не поздоровалась, не улыбнулась.

Будто увидела призрака.

– Ева, – повторил Гай моё имя. – Ева... Это ты?

Я почему-то отрицательно помотала головой: нет, не я.

Гай изменился так сильно, что не обратиться он ко мне, наверное, прошла бы мимо.

– Гай Келлер... – наконец, удалось вымолвить мне.

Если честно, я даже его имя произнесла с трудом, как будто уже забыла. Хотя как забудешь такое необычное имя?

У Гая в роду имелись немецкие корни. Вряд ли я бы стала называть ребенка с такой необычной фамилией почти таким же необычным именем. Но его матери такие глупости в голову не пришли, поэтому Гая назвали в честь его прапрадеда.

– Ты изменилась, – заявил он, откровенно меня разглядывая.

– Ты тоже.

Мало что осталось от парня, которого я знала когда-то.

Передо мной стоял мрачный высокий мужчина в дорогой одежде, сидящей на нём идеально. Мужчина, не только уважающий себя и твердо знающий, что ему нужно от жизни, но и умеющий этого добиваться. Он стал красив той мужской

красотой, которая идет не от внешности, а от наличия внутреннего стресса. Но сильный характер угадывался и по его внешности.

Раньше он стригся очень коротко, но теперь его прямые чёрные волосы чуть отросли и лежали так, как будто он только что вышел из лучшей парикмахерской. Мельчайшие тёмно-зелёные крапинки в чёрных глазах, квадратная челюсть и хищный нос создавали неувимое сходство с ястребом. Или орлом.

Девушки, наверное, с ума по нему сходили, хотя не было в его облике того скрытого самодовольства, отличающего мужчин, избалованных женским вниманием.

Возможно, именно поэтому девушки сходили с ума ещё больше.

Впрочем, не знаю. Теперь мне всё равно.

– Всем видом своим ты пытаешься показать, как ты сдержанна, – сказал Гай, нарушив молчание. – Я помню тебя другой.

– Помнить то, что было два года назад, уже нет смысла.

А что я ещё могла сказать? Что безумно рада его видеть? Сделать непринуждённый вид, как будто встретила старого знакомого?

– Какими судьбами, Ева? – светским тоном спросил Гай, между тем внимательно глядя в ожидании ответа.

– Приехала на троллейбусе номер 5.

– Значит, живешь в самой высокой части города. В ка-

ком-то частном доме на холме, – тут же заключил он. – Ты же понимаешь, о чем я. Неужели так трудно ответить?

– Трудно, – эхом отозвалась я. – Ведь я не спрашиваю, как здесь оказался ты.

– Спроси, – усмехнулся Гай с видом человека, которому скрывать нечего.

Тут-то до меня и дошло, что звонок на пару прозвенел четыре минуты назад.

– Мне не особо интересно, прости. Извини, но я опаздываю на занятие, – покачала головой я и заспешила по коридору. Но все-таки обернулась, – Когда ты пропал без вести, твой отчим по-настоящему переживал. Тебя искали.

– А ты переживала?

– Немного. Но это было давно, и я уже всё забыла.

Кстати, я не врала. Правда, забыла, внушив себе, что ничего, кроме дружбы между нами и не было.

– Ещё увидимся, Ева, – громко сказал вслед он, пропустив мимо ушей мои последние слова.

Увидимся. И это ничего не изменит, Гай. Ты для меня совершенно чужой человек.

Еще и опоздала из-за него!

Постаравшись выбросить его из головы, я подошла к закрытой аудитории. Внутри было тихо. Значит, Влад Вячеславович уже там.

Черт, мне так не хотелось опаздывать, чтоб не привлекать его внимания к своей скромной персоне... Но теперь уже

ничего не поделаешь...

Вздохнув, я толкнула дверь.

– Можно?

Влад Вячеславович, сидящий за преподавательским столом, обратился на меня прозрачный взгляд.

По-моему, он даже обрадовался, что я опоздала.

– Я действительно не люблю, когда опаздывают на мои пары, Ева Ранг. Для этого у вас должна быть по-настоящему веская причина.

– Причина веская, поверьте.

– Я видел, кто вас задержал, – процедил Влад, с самым обстоятельным видом откидываясь в кресле. – И не считаю, что это так.

Господи, как он занудлив!

И, похоже, настроен на основательный разговор со мной. Даже драгоценное время пары ему совершенно не жаль потратить.

– Можно, я сяду? Хочется быстрее начать получать знания. Меня прямо распирает от желания послушать ваши умные мысли....

– Может, вас распирает от какого-то другого желания, Ева Ранг? – ледяным тоном сказал Влад Вячеславович.

– Нет. Только от этого.

– Да что вы говорите? – усмехнулся Влад Вячеславович. – По вырезу вашего платья что-то не заметно.

Ужасно!

Просто ужасно!

Вырез моего тёмного платья вообще не заслуживал, чтобы о нём кто-то упоминал. Эта ненормальная ворона со смещёнными понятиями о глубоких вырезах просто не может говорить такие вещи мне. Да ещё в такой мёртвой тишине.

При всей группе. Именно в тот момент, когда я, оправившись от первого шока, хотела ей об этом сообщить, Влад заявил:

– Впредь, Ева Ранг, советую носить свитера под горло. Тем более что показать вам, скажу по секрету, нечего. Пройдите к своему месту. Нет, не садитесь. Если вы так жаждете знаний, то, думаю, можете получать их и стоя. Сейчас я обращаюсь ко всей группе. Если вы опаздываете на мою пару, то я, в отличие от других преподавателей, пускаю вас. Однако всю пару вы должны простоять. Таковы мои правила. И, вы, думаю, догадываетесь, что на мои пары редко кто опаздывает. И ещё реже пропускает.

Я прошла. Я встала за партой, с громким стуком отодвинув назад стул. Я ничего не сказала. Просто не могла.

Почему я не пошла и не толкнула учительский стол прямо на Влада Вячеславовича? Чтобы он придавил этого мерзкого человека, сломал ему все рёбра!

Кровожадные мысли, знаю...

Но он окатил меня ушатом такой ледяной и грязной воды, что я запросто могла захлебнуться или замёрзнуть насмерть.

Как его вообще тут держат? Скажите мне, как?!

Я отвела взгляд к окну и погрузилась в воспоминания.

Когда Гай пропал, мне и в голову не могла прийти мысль, что пропал он неспроста. Я думала – с ним случилось что-то ужасное, в стиле криминальных историй, которые показывают по телевизору.

Он мог упасть, удариться головой и потерять память... Или его заточили и безвозмездно заставили работать на себя какие-то негодяи. Могло произойти что угодно.

Даже сейчас мне тяжело поверить в то, что он просто сбежал. Но, не смотря на это, Гай чужой.

И общаться я с ним не стану.

Всю пару я простояла неподвижно, как истукан. Влад Вячеславович так и не спросил меня по содержанию «Алисы в стране чудес», как обещал.

На протяжении пары он не удостоил меня ни одним взглядом или обращением, даже оскорбительным.

И то хлеб.

Прозвенел звонок, и теперь впереди было целых пять дней без Влада Вячеславовича. Уже одно это вдохновляло. Мы с Аминой сошлись на том, что в субботу вечером надо сходить куда-нибудь. Она настаивала на клубе, но, во-первых, в клуб мне не хотелось, а во-вторых, не было денег.

Мы договорились просто прогуляться по старым улочкам в центре города.

Вечера стояли ещё по-летнему тёплые, хотя темнело с каждым днём все раньше. В выходные в центре было много

людей, светились вывески различных магазинов, барчиков и кафе, расположившихся в старомодных зданиях из серого или розового камня.

Какие-то молодые люди в голубых костюмах, играли прямо на площади джаз. Прохожие им хлопали, кидали деньги на потертый пыльный шелк раскрытого футляра саксофона.

Чуть дальше старичок с орденами на пиджаке играл на гармонии что-то печальное.

Я положила ему в шляпу деньги.

– Нравится тебе наш город? – спросила Амина.

Она знала, что я приехала сюда издалека, но не знала, почему. Я задумалась. Да, город, похожий на затерянное царство, мне нравился.

Этого-то мне и надо было – затеряться, чтобы никто не нашел.

Стало прохладно, и я накинула чёрный жакет, предусмотрительно захваченный с собой. По трём широким разбитым ступенькам мы с Аминой взошли на пустынную аллею, под густые кроны деревьев, и я вдруг перенеслась мыслями в свой город на год назад.

Таким же осенним вечером я возвращалась с подругой из кино пешком. Правда, тогда было холоднее. У арки мы попрощались.

Я поднялась по трём ступенькам и шагнула в сумрачную зону одна. Когда уже почти прошла арку, от темной стены за моей спиной что-то шарахнулось.

Сердце пропустило два удара, я оглянулась и увидела *его*. *Его*, своего сумасшедшего соседа!

– Пгивет, – сказал он.

– Привет, – я ускорила шаг.

Тогда я ещё с ним даже разговаривала.

– Ты ходиа в кино? – спросил он, следуя за мной.

– Да.

– А я не газу не бы в кино, – сообщил он через три шага. –

Пойдем вместе?

– Нет, не могу, – я пыталась попасть ключом от домофона в магнитный кружочек, но он никак не хотел щелкать и открываться.

– Я сегодня видел гусеничку, – сообщил он, наблюдая за моими безуспешными попытками открыть дверь. – За диваном на полу. Я её поймал и начал гассматгивать. А потом съел. Ты не ела гусениц? У них вкус яблосного повидла...

Помню, как ругала себя, что вообще пошла куда-то, зная, что надо будет возвращаться поздно домой. Он бессвязно долдонил за моей спиной какую-то чепуху, когда я, наконец, открыла дверь подъезда и птицей взлетела на свой этаж.

Подойдя к пыльному окну, увидела внизу неподвижную тень. Он стоял и чего-то ждал.

Ему не сделали ключей от домофона, но он мог позвонить в любую квартиру и ему сразу открыли бы, чтоб не доставал.

– Да сделай уже, чего он хочет! Погуляй с ним, пообщайся, успокой! – как наяву услышала я визгливый голос соседки

тёти Зины. – Хотя ночам шлаться не будет. Невозможно уже, нас всех извёл, чертов псих! Всё равно он тебе жизни не даст!

Я открыла глаза и вернулась от воспоминания в реальность.

– Очень нравится, – сказала как ни в чем не бывало.

– А я бы хотела уехать из этой провинции в столицу. Бесит она меня! – заявила Амина. – Читала Стивена Кинга? У каждого провинциального городка своя страшная тайна.

– Так то – Стивен Кинг, он про американские города писал, – засмеялась я. – И вообще, ты серьёзно? Никогда бы не подумала, что ты веришь в мистику и читаешь ужастики...

– Я не говорю, что верю в мистику, – перебила Ами и ухмыльнулась. – Скорее даже скептически к ней отношусь. Но стоит только посмотреть городские архивы – и обязательно наткнёшься на какую-нибудь жуткую историю.

– И с чем связана жуткая история этого города? – спросила я больше в шутку, чем серьёзно.

– Кажется, что-то такое было жуткое и непонятное, связанное со смертью девушки, – подумав, сообщила Амина. – И, может быть, даже не одной.

Конечно, я могла бы заинтересоваться и спросить, что же конкретно там произошло, но смаковать подробности страшных историй, как выдуманных, так и настоящих, я не люблю.

Не понимаю, чем вызван нездоровый интерес к ним посторонних. Вернее, понимаю – людей всегда тянет на что-то

таинственное и страшное (или просто противное) – но интереса этого не разделяю.

Что случилось с несчастной девушкой, я не узнала.

Хватит с меня и так!

Следующий день – воскресенье – был первым моим рабочим днём в библиотеке, который прошёл хорошо. Правда, я очень долго искала в фонде книги, которые у меня спрашивали. Но библиотечарша Галина Власовна успокоила, заявив, что через месяц буду знать фонд, как свои пять пальцев. Моей работой, как мне показалось, она осталась вполне довольна и сказала, что в следующий раз я прекрасно справлюсь одна.

Я была не против.

Несмотря на ясность и безветрие, к вечеру резко похолодало, и домой в своём летнем платье и тонких балетках я почти бежала, представляя, как закутаюсь в тёплую кофту.

К тому же меня ожидал шикарный подарок – в столь позднее время дядюшки не было дома.

Потом я глядела на сгущающиеся над городом сумерки, грела руки о кружку с кофе и старалась ни о чём не думать.

Я начинала новую жизнь, полностью сломав старую. Помоему, пока что получалось неплохо.

Понедельник прошёл очень хорошо, а вот вторник, благодаря паре по мировой литературе обещал стать днём приятным и весёлым. В кавычках, разумеется.

Так оно и вышло. На большой перемене, спускаясь по цен-

тральной лестнице в буфет, дабы подкрепить свои физические и моральные силы перед неотвратимо надвигающимся занятием Влада Вячеславовича, я увидела поднимающегося по лестнице Гая.

– Здравствуй, Ева...

– Привет, – вежливо улыбнулась я, намереваясь проследовать мимо.

Но он мягко преградил мне дорогу. Стоя на две ступеньки ниже меня, он был одного со мной роста.

Почему нельзя ограничиться простым приветствием? Почему обязательно надо останавливаться?

– Как дела?

Наверное, Гай ждал подробного и обстоятельного ответа.

– Хорошо.

Если отвечать односложно, то разговор не завяжется. Правда, ведь?

– Улыбка у тебя стала другая. Грустная. Отстранённая.

– Не знаю, может быть. Два года – большой срок.

– Два года – не такой уж большой срок, чтобы поменяться так сильно, – он выделил голосом «так».

– Но ты же поменялся.

Может, он меня даже и не слышал.

Стоял шум. Мимо сновали дикие толкающиеся студенты.

Девушки поглядывали на Гая.

Чего там говорить, он, и правда, выделялся из толпы.

– Не так уж сильно, – так же тихо сказал Гай, из чего я

сделала вывод, что все-таки он меня услышал. – В отличие от тебя... Что случилось дома? Что заставило тебя приехать именно сюда?

Я вообще-то не люблю рассказывать о себе кому бы то ни было.

И тем более не собираюсь рассказывать ему.

– А ты? – проигнорировала я его вопрос. – Тебе же вроде бы учиться поздно?

Спросила просто так, чтобы сменить тему разговора.

Уйти от ненужных объяснений.

– Представь себе, я тоже здесь учусь, – заявил Гай. – Только на заочном. Получаю второе образование.

Боковым зрением я не могла не увидеть темную фигуру преподавателя по мировой литературе, поднимающегося мимо нас по лестнице.

Влад Вячеславович шел очень быстро и не удостоил моё «Здравствуйте» и меня даже мимолётным взглядом.

– Он ведёт у вас? – спросил Гай, провожая Влада глазами.

Не желая посвящать постороннего человека в свои проблемы, я нейтрально кивнула.

– Тяжелый характер у этого типа. Со студентами обращается, как со скотом. Кое-кто много раз жаловался на него в деканат.

– И есть какой-то эффект?

– Нулевой. Его странности терпят за его уникальные мозги. А в вашей группе он как, сильно лютует, Ева?

– Мы ещё к нему не пригляделись, – уклончиво ответила я. – Наверное, я опоздала в буфет. Теперь там огромная очередь, которая разойдётся только к середине следующей пары.

– Ты голодная? Поехали куда-нибудь, пообедаем.

– Нет, спасибо, попробую всё-таки пробиться к стойке, – любезно отказалась я. – Мне пора, Гай.

Не хватало ещё ездить с ним по кафе – это предполагает более близкое общение. Может, и надо было согласиться в целях экономии средств, но мне неуютно под тяжелым внимательным взглядом Гая.

Каким бы фантастическим совпадением не была наша с ним встреча, я начинаю новую жизнь, в которой нет места ничему из жизни прошлой.

Я всё-таки успела купить себе вчерашний пирожок с яблочным повидлом и чай и при этом умудриться успеть на следующую лекцию, которая прошла тихо и мирно.

Наверное, это затишье перед бурей – последней лекцией по мировой литературе.

Однако, как ни странно, Влад стал интересно рассказывать про «Илиаду» и «Одиссею», что я заслушалась и невольно поразилась его мастерству преподавателя. Он сумел так увлечь Гомером, что я даже решила почитать. Но, несмотря, что его лекция действительно классная, видно – группа настроена к нему негативно. На лицах ребят вспыхивали усмешки, иногда раздавался недобрый шёпот или едкие комментарии.

Кажется, Влад этого не замечал. Даже лицо его перестало быть презрительным, а стало красивым и вдохновенным. Прозрачные глаза засинели, когда он рассказывал о своём любимом древнегреческом поэте восьмого века до нашей эры.

Там, наверное, он и жил, не замечая или не желая замечать, что его «замшелый», как шепотом выразился Пашка Ушаков, Гомер мало кому интересен.

После такого увлекательного повествования я даже стала испытывать к Владу Вячеславовичу чувство, граничащее с симпатией. Пусть он противен и высокомерен, зато как интересно рассказывает.

Но за полчаса до конца лекции Влад вернул меня с небес на землю:

– В честь Гомера даже назван кратер на Меркурии. Думаю, это бы ему польстило, – Влад замер, растирая в длинных пальцах круглый кусок мела. – Ева Ранг, выходите сюда!

До меня, замечтавшейся о раскопках Генриха Шлимана, секунд только через тридцать дошло, что меня вызывают к доске и что это, видимо неспроста.

– Ева Ранг, я так понимаю, оглохла? – поинтересовался Влад, вольготно садясь за преподавательский стол.

Его пальцы были белыми от мела, а взгляд снова стал прозрачным.

Это кем же надо быть, чтобы спрашивать человека на лекции? Даже приблизительно не представляя, что он от меня

хочет, я отшвырнула ручку и спустилась вниз, оказавшись на виду группы и Влада Вячеславовича.

Он сидел на своём преподавательском месте очень прямо.

А глаза его стали такими прозрачными, что, кажется, просвечивали.

– Итак, Ева Ранг, я обещал, что проверю вас по содержанию «Алисы в Стране Чудес».

– Но не на лекции же, – раздался чей-то голос в группе.

– Когда вы так увлекли нас Гомером!

– Группа номер двенадцать, тихо! – рявкнул Влад, кинув мел на стол.

Первый раз он позволил себе такую несдержанность. Мел развалился на куски и крошку, прочертив белую неровную линию на столе.

– А у него, видать, нервишки-то пошаливают, – на сей раз я точно знала, что сказал это Павел Ушаков.

– Назовите настоящее имя Льюиса Кэрролла и год его рождения, – потребовал Влад Вячеславович, не глядя на меня.

– Чарльз Лютвидж Доджсон, родился 27 января 1832 в доме приходского священника в деревне Дарсбери, графство Чешир, – отчеканила я.

– Как всегда, попугаичья память не подводит вас, Ранг, – сухо произнёс Влад. – Полагаю, вы вызубрили и кому посвящено произведение.

– Произведение посвящено десятилетней Алисе Лиддел,

которую Доджсон очень любил, – больше я ничего сообщить не могла.

– Вы можете рассказать историю возникновения произведения?

Так далеко мои познания не простирались. Было там вначале какое-то бредовое стихотворение, но... Я загадочно молчала.

– Скажите мне, Ранг, вы действительно читали «Алису в стране чудес»? От начала и до конца?

– Да, – бесстрашно сказала я.

Читать-то читала, но мало что запомнила...

– Хорошо, – мягко кивнул Влад Вячеславович. – Если вы действительно читали «Алису в стране чудес» от начала и до конца, то вам не составит трудности сказать, сколько раз и каким образом Алиса увеличивалась и уменьшалась.

Можно даже не напрягать память. Бесполезно.

– Ну, она, кажется, ела варенье из банки с надписью «Апельсиновое», – все же рискнула я, рассудив, что надо сообщить хоть какие-то сведения.

– Да? – переспросил Влад. – То есть вы утверждаете, что причиной изменения размера Алисы было апельсиновое варенье? Так, Ева Ранг?

Черт, судя по его тону, дело обстоит далеко не так.

– Что молчите, Ранг? Язык проглотили? А может ложку апельсинового варенья? Раз вы не помните это, расскажите об эпизоде с тонущими в луже.

– Алиса наплакала лужу слез, упала в неё и стала тонуть, – сообщила я доверчиво, имея весьма смутные впечатления об этом эпизоде. – Там был гусь...

– Робин Гусь, – ледяным тоном бросил Влад.

– Потом, кажется, то ли мышь, то ли крыса, попугай, птичка, и Орлёнок Эд, – честно перечислила я всех, кого помнила. – У Владимира Семёновича Высоцкого, который очень любил «Алису» даже есть песенка «Орлёнок Эд». Не слышали, Влад Вячеславович?

– Вижу, Высоцкого вы знаете больше, чем Кэрролла, – усмехнулся Влад. – Так какую смысловую нагрузку несёт этот эпизод, Ева Ранг?

Понятия не имею.

– Это уже не по содержанию, – слышался чей-то сдавленный шёпот. – Это по критике.

– Если кто-то умный сейчас не замолчит, то я спрошу по критике и его. Последний вопрос, Ева Ранг. Если ответите, я поставлю вам всего лишь одну двойку в свой журнал. Поведайте нам, что произошло с Алисой после того, как она встретила большого щенка?

Группа смотрела на меня чуть ли не с жалостью. Почему мне так не везёт с этой «Алисой», будто она заколдована?

Я ведь читала, только все вылетело из головы. Понимая, что изъясняюсь, как пятилетняя, я никак не могла сконцентрироваться и собрать мысли воедино. Выдохнула, пытаюсь сосредоточиться, и совершенно неожиданно для себя выдала

очень странную фразу:

– Она, кажется, встретила синего червяка, который курил кальян. И очень даже зря. Ведь курение вредит здоровью.

Молчание Влада Вячеславовича было слишком нехорошим. Он вывел что-то у себя в журнале. Судя по движению его руки, напротив моей фамилии появилась явно не одна двойка.

Я понимала – с мировой литературой всё очень-очень плохо, но не понимала, какой черт дернул меня сказать про вред курения.

– Вот что, Ева Ранг. Не скрою, я и раньше был о вас не слишком хорошего мнения, но сейчас вы опустили себя ниже плинтуса и вряд ли уже подниметесь в моих глазах. Если вы даже не можете запомнить героев книги, которую называют детской, то я просто умываю руки. И если вы таким образом решили продемонстрировать своё остроумие – то грош цена вам и вашему остроумию, Ева Ранг. Я даже не знаю, какими словами выразить глубину своего презрения к вашей амбициозной, ленивой, скудоумной и пошлой персоне. Я редко говорю такие слова студентам, но вам я их скажу. Я не хотел бы видеть вас на своих занятиях. Всем спасибо за работу, все свободны.

Он нервным шагом вышел вон за десять минут до звонка. Секунд пятнадцать тишины – и группа взбесновалась.

– Совершенно ненормальный какой-то! – заявила Лиля, видимо, наконец-то сложив о Владе Вячеславовиче мнение.

И я, кажется, готова была с ней согласиться. Да, я была неправа – мне следовало лучше штудировать «Алису» или, по крайней мере, молчать со своими дикими ответами.

Но и он не имел права вызывать меня на лекции. Так никто не делает. До какой же степени должна быть сильной неприязнь у человека, чтобы использовать каждую возможность её продемонстрировать?

– Гнев, богиня, воспой Влада Вячеславовича, чёрной вороны! Грозный, который группе двенадцать множество бедствий содеял и Еве Ранг больше всех, – с издёвкой пропел Паша Ушаков, поглядывая на меня.

Что теперь делать? Не ходить на мировую литературу? А я так хотела, чтобы в академии «Согинея» у меня все складывалось хорошо...

Наверное, не окажись Влад хорошим другом дядюшки, так оно бы и было...

Тем же вечером я сидела за библиотечной кафедрой, положив подбородок на скрещенные руки. Читателей не было и не предвиделось, и в пустой библиотеке стояла полная тишина. Посмотрела на часы, висящие над тёмным коридорчиком выхода.

Лампочка там постоянно перегорала.

Полдевятого. Через полчаса надо идти домой.

Может быть, подступиться к Владу Вячеславовичу без посторонних? Попытаться наладить отношения, призвать к нейтралитету...

Пообещать выучить «Алису в стране чудес» наизусть... Но и так ясно, что он сочтёт это за попытку подлизаться, по-лебезить перед ним.

И, в сущности, правильно сочтёт.

Нет, разговаривать с ним тщетно – не только потому, что он из тех людей, которые бьют лежачих, но и потому, что я не смогла бы себя пересилить и прийти с повинной головой.

Так идти или не идти в четверг на семинар по мировой литературе?

Я отвела задумчивый взгляд от окна, в котором виднелись корявые ветки дерева, серая дорога и глухие бока частных домов.

Внезапно осознала, какая тишина стоит в огромном помещении библиотеки. На мгновение показалось, что тишина сменилась шепотом множества голосов, будто книги, стоящие на полках, заговорили все разом.

– Привет, Ева...

– Ева, здравствуй...

– А что ты здесь делаешь, Ева?

– Как дела, Ева?

– Зачем ты убежала, Ева?

– Тебе не страшно одной, Ева?

– Ева?

– Ева!

– Ева...

Я вскочила. Звонящая тишина, точно бритва, полоснула

по ушам. Зелёная штора на окне чуть-чуть шевельнулась, будто от дуновения легчайшего сквозняка. Но все окна были закрыты.

Мне показалось, что в библиотеке я не одна, и кто-то наблюдает из тёмного коридора. Свет строжайше следовало экономить, но я повключала лампочки во всём помещении, и не успокоилась, пока каждый тёмный угол не оказался освещён.

Эти вопросы я могла задать себе и сама. Так же, как могла сама задеть шторку, когда поднималась. Никогда я не верила в страшные сказки и спокойно жила одна, но за всю жизнь, наверное, впервые мне стало не по себе.

Стоя на зелёном линолеуме в центре абонемента, я смотрела на уходящие в перспективу ряды стеллажей, и все казалось, что за ними кто-то прячется.

За спиной, в коридорчике, тяжело хлопнула дверь, и я круто обернулась.

В помещение вошел пожилой мужчина добродушного вида с пакетиком в руках.

Подойдя к кафедре, он начал выкладывать детективы.

– Работайте? – с сомнением поинтересовался.

– Да-да, конечно, – я так обрадовалась его появлению, что никак не могла найти формуляр.

– У вас перепуганный вид, девушка.

– Вам показалось, – натянуто улыбнулась я.

Минут двадцать он выбирал книги, а когда я их записала,

то настала пора закрывать библиотеку и уходить.

Выключила везде свет, и помещение стало казаться откровенно враждебным. Вместе с мужчиной мы вышли на улицу.

– Не страшно вам одной там сидеть? – поинтересовался он. – Закрываетесь поздно, а читателей с гулькин нос, наверное... Мало ли что...

– Да нет, все в порядке, – соврала я, закрывая библиотеку на два ключа.

Дома все как-то забылось. Дядюшка в очередной раз был чем-то недоволен и заставил меня натирать столовые приборы чистым полотенцем, чтобы блестели.

Провозилась я допоздна и, как ни странно, быстро уснула. Следующие дни ничего плохого или хорошего не принесли. Влад Вячеславович не назвал мою фамилию на переключке в четверг, как будто меня вообще не существовало.

На работе все было спокойно, и я не вспоминала о том странном ощущении тревоги, посетившем меня в библиотеке в понедельник. Скорее всего, почудилось или просто нервы сдали. К тому же я получила зарплату, хоть и крошечную, но она была очень кстати, учитывая, что на момент её получения на карточке у меня было триста рублей.

На выходных Амина пригласила меня и еще пару человек из группы к себе. Хотелось развеяться и поболтать о чём-нибудь несерьёзном с ребятами. Да и вообще просто хотелось сходить в гости.

Амина жила в квартире, которая сразу меня ослепила яркими коврами и обоями, обилием искусственных цветов в аляповатых вазах, большой блестящей люстрой в коридоре и другими изысками интерьера в стиле «цыганское барокко».

В зале на столе, обклеенном зелёной пленкой «под малахит», лежала колода карт чёрными рубашками вверх.

Амина небрежно смахнула их в стол.

Мы устроились на небесно-синей на кухне, которая изобиловала всякой навороченной бытовой техникой. Даже ковёр под ногами был синим с большими ярко-красными розами. Хозяйка разливала чай и делала бутерброды, а мы тем временем пытались разрезать принесённый торт.

В итоге это чрезвычайно важное дело доверили мне. Неожиданно подоспел Макс, ещё один парень из нашей группы, которого не ждали, но которому все обрадовались.

Открыли принесённую им бутылку белого сухого вина.

Мне было уютно сидеть на этой кухне, от которой консервативный дядюшка пришел бы в шок, потягивать вино, болтать с ребятами, смеяться.

До тех пор, пока не заговорили о первых впечатлениях от учебы в «Согинее». Наверное, все ждали от меня негативных слов в адрес Влада.

Высказаться хотелось, но почему-то я промолчала. Ну, что это все в сотый раз перемалывать?

– Может, лекции Змейского и хороши, – заявила Амина, – но он по-настоящему странный. Зачем надо так настраивать

нас против себя, если можно с нами дружить?

– Он жизнью обиженный, – с издевкой сказала красавица Аня. – Ему лет тридцать, а не целовался, наверное, ни разу. Может, вообще девственник?

– А ты никак хочешь проверить? – тут же среагировал Паша Ушаков.

– Смеёшься, что ли? – презрительно фыркнула Анька. – Он же бедный!

– Наш Вячеславич под гота косит. Или под вампира. Он думает, что так больше девушка нравиться будет, – с самым серьёзным видом заметил Макс. – А как ты считаешь, Ева, почему он прицепился именно к тебе?

– Хватит уже про него, – перебила Эльвира недовольно. – Нашли о ком говорить!

Я её поддержала. Про себя я могла ругать его сколько угодно, но повторять это вслух почему-то было противно.

Пашка, которому бы только съязвить, пытался вынудить меня ответить, но для разговора действительно нашлась тема интереснее.

Тема, которая будоражит и притягивает людские умы не одну сотню лет.

– Амина, а ты что, гадаешь на картах? – заинтересованно спросила Эльвира.

– Не совсем на картах. Чисто в картах бабуля спец, – хладнокровно сказала Амина. – Я могу раскинуть на серебряном миткале.

Мальчишки сразу приняли скептический вид и отпустили пару шуток, после чего были на время удалены с синей кухни.

Больше всего на этом настаивала Эльвира, хотя сами они удаляться не хотели.

Наконец мы остались вчетвером – Амина, Анька, Эльвира и я.

– Вообще-то когда гадалка работает, то остаётся с клиентом один на один, – заметила Ами, раскладывая на столе квадратные карты лоснящимися рубашками вверх.

Шесть рядов по шесть карт в каждом.

Мне это казалось развлечением. Игрой. Девчонки любят гадать, и непременно на любовь.

Правды в общих фразах, которые Амина сейчас изречёт каждой из нас, не больше чем в гороскопе, что передают по радио.

Но вслух я ничего говорить не стала.

Подружка достала из маленького кожаного мешочка на тесёмке небольшую невзрачную монету.

– Серебряный миткаль, – сочла нужным пояснить она. – Марокканская монета семнадцатого века.

Она подкинула монетку над разложенными картами. Затем перевернула карту, на которую упала монета.

И хотя у Анны в глазах сверкало любопытство, было видно, что и она не очень серьёзно относится к происходящему.

– Скоро выйдешь замуж за богатого и уедешь, – сказала

Амина. — Уедешь навсегда. Далеко. Будешь там счастлива, забудешь и о этом вечере и о нас. Вот и всё.

— Что ж, мне нравится, — заявила Анна, откидывая назад длинные золотистые волосы и усаживаясь на своё место. — Всегда мечтала жить в Европе.

Из всех гостей Амины Эльвира была единственным человеком, который, кажется, относился к гаданиям серьёзно. Она потребовала, чтобы мы с Анной ушли, пока Амина будет ей гадать.

— Да садись уже! — отмахнулась Ами. — Суется она мне тут!

Монетка упала на карту с изображением пары влюблённых, укрывшихся в беседке, и внимательно за ними наблюдающем мужчины в чёрном.

— Твои хлопоты бессмысленны, Эльвира. Твои переживания пусты. Оставь это. Не злись.

— Есть хоть один шанс? — спросила Эльвира, затаив дыхание и, кажется, напрочь забыв о присутствии посторонних.

Амина задумчиво покрутила карту в руках и сказала «Нет».

И добавила, что Эльвира должна радоваться, потому как в ближайшее время избежит какого-то крупного несчастья.

— Ева?

Я сомневалась. Мне не хотелось садиться перед ней и выслушивать придуманные подробности моей жизни.

Путешествие, ревность, любовь...

Ладно, может, окажется, что я выиграю крупную сумму в лотерее. Тогда первым делом сниму квартиру.

Амина долго сжимала в ладони монету, пристально глядя на меня.

И если бы в эту минуту кто-нибудь спросил, кого я вижу перед собой, я, не задумываясь, ответила, что это совершенно незнакомая мне цыганка, как из какого-то фильма.

– Ну, а мне что предскажете, госпожа Ленорман? – усмехнувшись, поинтересовалась я, пытаюсь сбросить непонятное напряжение.

Амина не откликнулась на глупую шутку. С самым сосредоточенным видом она подкинула серебряный миткаль над черным глянцевым полем из квадратиков. Я видела, как монета бешено перекручивается в воздухе.

Мне показалось, что она на мгновение зависла в высшей точке своего полета. Секунда – и серебряный миткаль, тускло сверкнув неровной толстой гранью, встал на ребро между картами, ни на миллиметр ни одной не коснувшись.

– Как это? – озадаченно спросила Анна.

– Ну, вот и здесь у меня не всё как у людей. Не хочет монетка показывать мою судьбу, – ухмыльнулась я.

Амина подкинула миткаль ещё раз. Быстрое вращение – и монета вновь стоит на ребре на тонкой голубой полоске стола между рядами чёрных карт. Уже никто не отпускал комментариев.

Это выглядело действительно странно.

– Попробуем ещё раз, – произнесла Амина. – Последний. Эльвира и Анна передвинулись к столу ближе. Лица у обоих были озадаченными.

Даже по теории вероятности подкинутая монета не может встать на ребро два раза подряд.

– Я не понимаю, как так? – ещё раз повторила удивлённо Анька, словно прочитав мои мысли. – Это какой-то трюк?

Амина жестом заставила её замолчать, собрала карты, перетасовала и разложила вновь.

Засунула миткаль обратно в мешочек, подержала там и вынула.

Тяжело посмотрев на меня, она подбросила монету высоко вверх. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем монета, медленно переворачиваясь, вновь встала на ребро.

Мы удивлённо охнули.

Потом миткаль нехотя закачался, но не упал, а покатился по узкой голубой дорожке между картами. Докатившись до края стола, он упал на ковер и исчез под холодильником.

– Пусть не коснулся карт, зато мы увидим, какой стороной он упал, – пробормотала Амина. – Смотри, Ева!

Я опустилась на колени и заглянула под холодильник. Там, где ковер заканчивался, на линолеуме я увидела миткаль. Он стоял на ребре.

– Отказываюсь что-либо говорить, – только и выдавила Ами.

ГЛАВА 4

Смерть в городе

Я чертила на полях тетради фигуры – ромбы, овалы, трапеции, параллелепипеды, параллелограммы.

Не знаю, с чего меня так потянуло на геометрию. Терпеть не могла её в школе.

Каким-то образом я умудрялась ещё и записывать лекцию по истории. Но мысли мои были бесконечно далеки от Ярослава Мудрого.

Не то, чтобы гадание произвело на меня неизгладимое впечатление. В подобную чепуху я не верю, и поверить меня заставит что-то по-настоящему убедительное.

Но если на минутку забыть моё скептическое отношение ко всякой эзотерике, что может значить монета, три раза подряд встающая на ребро?

Мой жребий ещё не брошен?

Моя судьба ещё не определена?

Моё будущее до такой степени интересное, что подобного изображения даже нет на картах Ами?

Ребро – это третий вариант развития событий, которого никто не ожидал.

Чепуха какая-то... Зачем только я согласилась... Наверное, чтобы теперь ломать голову, как будто мне больше ду-

мать не о чем!

Я жирно перечеркнула все параллелограммы и полностью сосредоточилась на Ярославе Мудром.

После этой лекции надо было на второй этаж за учебником. Спускаясь по лестнице, я бросила взгляд за коричневое стекло.

«Согинею» окружал большой квадратный участок, разделённый на четыре сектора такими низкими бетонными стенками, что через них запросто можно было переступить. В каждом секторе стояли огромные вазоны, какие-то гипсовые постаменты, кованые беседки...

Может, это такие оригинальные элементы декора, хотя, наверное, здесь всё осталось от прежних времён. Я точно знала, что здание академии не было построено с нуля, а хорошо отремонтировано.

Что здесь раньше располагалось, не знаю... Может, какая-нибудь школа... Или общежитие...

– Не могу поверить, – услышала за спиной.

– Я сам не могу поверить, что её больше нет... – в этом голосе было такое потрясение, что я обернулась.

Два молодых человека спускались по лестнице. На одного из них страшно было смотреть: он еле волочил ноги, руки его тряслись, а взгляд словно был обращён в пустоту:

– Зачем она это сделала?

Так я увидела родного брата девушки, выбросившейся вчера из окна своей квартиры. Только сейчас я обратила вни-

мание, что «Согинея» сегодня не такая, как обычно – растерянная, подавленная, тихая.

Для такого небольшого города это самоубийство стало громом среди ясного неба.

Несчастье обсуждалось, делались различные догадки и предположения, брат погибшей подвергся такому пристальному вниманию, что перестал ходить на занятия.

Были просто праздно любопытные, но были и те, кто хотел его поддержать. По-моему, его одинаково бесили и первые и вторые.

Многие ломали головы над тем, что заставило его сестру шагнуть из окна... А некоторые говорили, что девушку кто-то вытолкнул.

Дом дядюшки отапливался плохо, и я постоянно мерзла, тем более серая грязная осень полностью вступила в свои права, солнце скрылось, и зарядил непрекращающийся дождь.

Более-менее нормальная температура поддерживалась в дядюшкиной комнате, гостиной и на кухне. В тот вечер по желанию дядюшки я готовила запеченную с овощами рыбу.

Желания готовить совершенно не было, но на очереди меня ждал ещё грушевый пудинг. Одно радовало – дядюшка отсутствовал, и явиться должен был только через три часа.

Он редко отлучался так надолго, поэтому я наслаждалась одиночеством и даже тихонько напевала, чего никогда бы не позволила себе при дядюшке.

Вдруг хлопнула входная дверь, запертая на ключ. Не может быть, дядя же пошел на встречу с журналистом в какое-то кафе!

Интервью как светило словесности он давать умел и любил. Неужели так рано вернулся?

Или журналист нелюбопытный попался?

В коридоре раздались шаги. За три месяца в дядюшкином доме я научилась узнавать его шаги – тяжёлые, будто он гвозди подошвами вколачивает. Эти шаги тоже были тяжёлыми, но не настолько.

Я выглянула в коридор. В одной руке у меня был зажат нож, которым я собиралась резать лук.

Нет, не дядюшка.

Влад Вячеславович собственной персоной. Не поздоровившись, он прошел на кухню, оставив грязные следы ботинок на недавно вымытом мною полу.

За два месяца он ни разу не бывал у дядюшки. По крайней мере, не в моё присутствие.

И вот – оказывается, у него есть ключ, и он может запросто прийти сюда. Как к себе домой.

– Кофе мне сделай, – бросил Влад, с хозяйским видом усаживаясь за стол.

Это были первые его слова, обращенные ко мне, за долгое-долгое время. Я вскипятила чайник и налила быстрорастворимый.

– Эту жижу я не пью. Свари.

Молча поставив турку на плиту, повернулась к нему спиной. Любоваться на Влада мне вовсе не хотелось. Я исправно посещала его занятия – он не отмечал меня, будто я не существую.

Не могу сказать, что одноклассники его любили, но их он, по крайней мере, спрашивал.

Мне же начали многообещающе светить незачет и не допуск к экзаменам. Ребята, даже Амина, советовали либо подойти к н

ему самому и попросить прекратить игнор, либо к декану – пожаловаться. По-моему, и то и другое бесполезно.

Не понимаю, почему он торчит здесь?

Нет, ясно, конечно, что Влад ждёт дядюшку – вот и шел бы, ждал в гостиной. Меня его присутствие только нервирует. А, может, дядя дал ему поручение проконтролировать, как я готовлю обед, не подсыпала ли яда в кушанье?

– Дядя будет через два часа, – не выдержала я. – Не хотите подождать его в гостиной?

– А мне здесь нравится, – вымолвил Влад Вячеславович, берясь за тонкую ручку чашки с кофе. – Ты, смотрю, здесь уже освоилась... Ведёшь себя, как полноправная хозяйка.

– И в мыслях не было.

– Да брось. Думаешь, не знаю, куда ты метишь?

– Наверное, в какое-то ужасное место, – пробормотала я.

– В постель к богатому любовнику, – сказал мой преподаватель по мировой литературе, и лицо его в этот момент

было таким мерзким, что я еле удержалась от того, чтобы запустить в него разделочной доской. – Знаешь, кто ты? Недалёкая и пошлая девка. Зачем ты припёрлась сюда? Кто тебя звал?

Я резала лук тонкими полукольцами и слёзы наворачивались на глаза, застилая все вокруг. Это был самый едкий лук на свете.

В библиотеке я зарабатываю себе на пропитание и на проезд. Снимать квартиру, или даже пусть одну комнату в общежитии – я пока не потяну.

– Ну вот, – презрительный голос Влада прозвучал как-то слишком близко. – Ты ещё и размазня. Никакого характера.

Я круто повернулась. Он оказался ближе, чем я ожидала, и теперь смотрел сверху вниз прозрачными от ненависти глазами.

– Не понимаю, чего вы добиваетесь, Влад Вячеславович, – сказала я, глядя на него сквозь слёзы. – Хотите, чтобы я вас прирезала, а потом села на пятнадцать лет?

– Нормальные у тебя шуточки, Ева Ранг, – произнёс Влад Вячеславович, глядя на мою руку с зажатым в ней ножом. – А может, ты уже кого-то прирезала? Поэтому и скрываешься в нашем милом городишке?

– Мне кажется, вы, с вашим человеконенавистничеством, прирезали бы кого-то скорее... – ухмыльнулась я.

Что-то мелькнуло в его прозрачных глазах и Влад сделал шаг ко мне, оказавшись слишком, слишком близко.

– Влад, ради всего святого! – послышался голос дядюшки. – Что здесь происходит?

– Ваша кухарка не умеет резать лук, – заявил Влад, отходя от меня. – Пришлось ей показать.

Дядя радушно позвал Влада в кабинет, а мне велел подать чай с бутербродами. Я швырнула нож в мойку и одним движением сбросила неровные полуколечки в форму для запекания.

Любой человек плачет, когда рядом кто-то чистит или режет лук.

А в глазах Влада я не увидела ни одной слезинки.

Вот и попробуй попросить эту глыбу льда, чтобы прекратила свой изматывающий игнор...

Подойдя к двери кабинета с большим подносом в руках, невольно замедлила шаги. Дядя не полностью закрыл дверь комнаты, и голоса были отчетливо слышны.

– А я-то думал... – говорил дядя недовольно. – Оказывается, ты постарался!

– Да, я, – с отвращением молвил Влад.

– Ну и дурак! – безжалостно заклеявил дядя. – Уж от тебя я не ожидал. Хорошо, хоть сейчас признался. Зачем? Мы же, вроде, разговаривали об этом. И придерживались одной позиции.

Молчание.

– На этой дороге я тебе не товарищ, – бросил дядя. – Ты убиваешь этим и себя!

Помедлив, я внесла в кабинет поднос. Дядюшка начал живо интересоваться, что с рыбным филе и с пирогом, а Влад сидел угрюмый и недобро на меня поглядывал.

– Держу пари, она все вам пересолила и переперчила, – не мог удержаться он от гадости.

– Да нет, кстати, – неожиданно заступился за меня дядюшка. – Готовит Ева отменно.

Я чуть не опрокинула на дядю поднос, но, слава богу, успела поймать.

Дядя никогда меня не хвалил!

– Но руки у неё все равно дырявые, – заявил Влад, с аппетитом откусывая от бутерброда. – Так же, как и голова.

– Вы правы, Влад Вячеславович, – кивнула я. – Поэтому если я уроню на вас чайник с кипятком, вы, наверное, не очень удивитесь.

– Ева, Ева... – скорбно покачал головой дядюшка, и я поняла, что на признании моих кулинарных способностей его любезность и закончилась. – Ну что за невоспитанная девица! Сколько можно тебя учить – ты должна быть любезной с гостями. Лю-без-ной! Ты понимаешь, о чем я?

В общем, я не чаяла, когда милый сердцу Влад Вячеславович, наконец, отчалит. Он, однако, откланиваться не спешил, прогостив до полуночи и соревнуясь с дядюшкой в остроумии на мой счет.

Он видел, что мне тяжело это выносить, видел, что я устала и мне хочется удалиться в свою комнату, но нарочно цеп-

лялся ещё больше. Ему не нравились ложки с пятнами, вкус только что испеченного мной пирога и полы с его же собственными следами грязных ботинок.

Когда я, наконец, оказалась в своей комнате, то только и смогла, что побросать кое-как свою одежду, залезть под тёплое одеяло и уснуть беспробудным сном.

На следующий день почтальон принёс в библиотеку журнал «Любимый город» формата мини, выходящий раз в месяц. Я расписалась и пошла с журналом в фонд, чтобы положить его на стопку таких же. Неожиданно скользкий журнал выпал из рук и открылся.

В глаза мне бросилась большая профессиональная фотография. Портрет. Под ним – имя и фамилия девушки, которая выбросилась из окна.

Так вот, какая ты была, Ангелина Несмеянова. Геля. Красивая.

Статью я прочитала. Она была очень драматична и выдержана в чёрных красках. Автор под псевдонимом Джонни Кейдж изо всех сил старался подчеркнуть «шокирующий ужас страшной трагедии». Жизнь Ангелины – кстати, дочери богатых родителей – была абсолютно безоблачна: наркотики и алкоголь она не принимала, и не знала, что такое несчастливая любовь. Последний раз её видели на конной базе в воскресенье – она «словно беззаботная птишка, не ведала, что чёрные крылья трагедии безжалостно распростёрлись над ней».

Этот журналист так же утверждал, что из своих источников знает информацию, неведомую простым смертным. Например, перед смертью Ангелина пила чай «Абадесс». А в спальне, из окна которой и шагнула девушка, страшный беспорядок, всё разбито, покорёжено.

Это можно было бы назвать следами борьбы, если бы экспертиза не доказала совершенно точно, что Ангелина Несмеянова была в квартире одна и беспорядок произвела сама. И окно она открыла своей рукой, после чего шагнула с десятого этажа дома, в котором недавно приобрела квартиру. Далее журналист, смакуя подробности, описывал, что она переломала, и как вели себя родители и младший брат Ангелины.

Это я читать не стала, как и не стала разглядывать жуткую фотографию, сделанную автором статьи – словно изломанная кукла в тонкой розовой ночной рубашке, лежащая на мокром асфальте.

Внизу поместили рекламу чая «Абадесс».

Зачем я вообще взялась читать душераздирающую статью? Теперь страшное фото будет преследовать меня. Так же как и мысли о нелепости произошедшего. И о совести этого самого Джонни Кейджа, так ярко и подробно все описавшего.

Видимо, из-за этого он не назвался своим настоящим именем. Даже с некоторой брезгливостью я захлопнула журнал и бросила его на место.

Хватит уже думать о том, какую жизнь могла прожить эта

несчастливая девушка.

В «Согинее» я иногда встречала Гая, но больше не оставалась, ограничиваясь вежливым «Здравствуй» или просто кивком.

Я чувствовала на себе его внимательный взгляд даже из другого конца коридора, но подойти и завести разговор он не пытался. Пожалуй, я была даже рада этому.

Грустная осень с её пасмурным небом, бесконечными дождями и мокрыми тротуарами не добавляла настроения. В пятницу я обычно с утра сидела в библиотеке, а после обеда мчалась на пары, последняя из которых заканчивалась без пятнадцати восемь.

В это время уехать было очень тяжело.

Я стояла в сумерках на остановке под дождём, а пальцы отчаянно мёрзли в тонких перчатках. Впереди не было и намека на приближение долгожданного тралика. Промозглый холодок забрался под моё старое чёрное пальто, хорошо, хоть ноги как-то умудрилась не промочить.

Надо встать в очередь на маршрутное такси. Хотя ей не видно конца и края, наверное, она все же подойдет быстрее, чем подъедет троллейбус. По проезжей части шел поток машин, и свет фар выхватывал капли дождя, мелкие, словно дым.

У обочины в паре метров от меня притормозила огромная чёрная машина, агрессивный и очень крутой внедорожник.

Стекло со стороны пассажирского места опустилось, и я

узнала в водителе Гая:

– Привет!

– Доброго вечера, – отстранённо улыбнулась я и бросила взгляд на дорогу.

– Замёрзла?

– Да нет, все в порядке. Через пять минут подойдёт троллейбус.

– Брось! Я тебя подвезу.

Я упрямо отвернулась. Конечно, меня тянуло в тёплый, завораживающий негромкой музыкой салон этого красивого автомобиля. Надо быть просто идиоткой, чтобы отказаться от возможности с комфортом попасть домой.

Гай даже не поленился выскочить из машины по дождь. Подняв воротник добротного чёрного пальто, он хлопнул дверцей машины и без суеты подошел ко мне.

– Неужели боишься сесть ко мне, Ева?

Разумеется, я не боялась.

– Посмотри на себя – промокшая, замёрзшая... – он говорил это чуть ли не с нежностью.

– Гай, ты очень любезен, но, правда, не стоит, – перебила я.

Да уедешь ты, наконец? Но Гай не уезжал. Дождь мелкими бисеринками покрывал его пальто. И все же ещё минута – и он вернётся в салон своей красивой машины, включит поворотник, посмотрит в боковое зеркало, и поедет в какое-нибудь уютное, а главное, тёплое кафе ужинать.

На нас уже откровенно пялились люди из очереди, с любопытством прислушиваясь к разговору.

Какие-то девчонки, рассмотрев сначала Гая, а потом меня, переглянулись, пошептались и захихикали.

– Я уже забыл, какая ты красивая, Ева, – произнёс Гай, не отрывая от меня взгляда. – Классическая красота лица... Идеальная... Из-за таких лиц в истории происходили войны. Оно могло бы быть холодным, если бы не глаза. Мягкие и ранимые глаза...

– Очень интересно. Держи в курсе.

– Не думаю, что наша любовь могла исчезнуть бесследно, – вдруг проговорил он, и к его словам уже прислушивалась вся остановка.

Сказать, что я была зла, как чёрт – это ничего не сказать. Ну почему, скажите мне, почему ему приспичило выяснять на переполненной остановке отношения, которых давно нет? Гай, скорее всего, рассчитывал на то, что я не вынесу всеобщего внимания и все-таки сяду к нему в машину.

Может, так оно и произошло, если бы внезапно не появился автобус, на законном месте остановки которого нагло обосновалась машина Гая. Непрерывный сигнал не имеющего возможности припарковаться автобуса был высоким и неприятным.

Возмутились люди, приготовившиеся в этот самый автобус влезть, потому что Гай не трогался с места:

– Ева, ты же понимаешь, что рано или поздно нам все рав-

но пришлось бы поговорить. И не о погоде или учебе. О нас. Почему не сейчас?

– Нам не о чем говорить, – повторила я фразу из любовных романов. – «Нас» просто нет. Ты освободишь место автобусу или как?

– Упрямая, как всегда, – поморщился Гай и попятился к машине.

– Девушка, пусть ваш кавалер даст автобусу встать! Наглость! Хамство! Выясняйте свои отношения в другом месте! – несло со всех сторон. – Это просто форменное безобразие какое-то! Никакого уважения к простым людям!

Гай, на которого уже орал благим матом высунувшийся из кабины водитель автобуса, кинул на меня взгляд сквозь лобовое стекло, а когда я отвернулась, вырулил на проезжую часть.

– Ну и дура! – послышался приглушенный голос одной из девчонок. – С таким мужчиной я поехала бы на край света!

Ага. Только потом бы горько плакала, что некому вернуть тебя обратно. Домой я попала только через два часа, мокрая и не очень довольная. Кое-как подсушив сырые волосы, села делать задание на следующий понедельник. Свет от настольной лампы отражался в окне.

Я отложила ручку и, подперев подбородок ладонью, принялась разглядывать своё отражение в оконном стекле. По нему змеились частые капли дождя.

Может, мне действительно стоило поговорить с Гаем?

Сказать, что у меня, как и у него, теперь другая жизнь... Что я очень изменилась... Что нам не стоит пересекаться... Что от тех детских с моей стороны чувств не осталось уже ничего. Но уж Гай-то, в отличие от дядюшки, обязательно спросит, почему я приехала сюда...

А я не хочу вспоминать рассказывать ему про соседа-психа с его преследованиями. Просто не хочу и всё.

– Может, в гости приедешь? – с ходу поинтересовалась Амина, едва взяв трубку. – Правда, уже поздно, но можешь взять такси и остаться с ночевкой.

Я бы с удовольствием поехала к ней на ночь глядя, но это было неудобно, поэтому пришлось отказаться.

– Жаль, жаль... Тут бабушка очень хотела с тобой познакомиться, но... В следующий раз приезжай обязательно!

– Да, конечно...

– Тебе грустно? – помолчав, спросила Амина.

Спорить я не стала. Да, мне действительно грустно.

– Это осенняя хандра, – заявила подруга бодро. – Давай-ка завтра выберемся куда-нибудь, хоть даже в клуб потанцевать. Мы ещё ни разу не были! Насчёт денег не волнуйся – там для девушек вход бесплатный!

Когда я нажала отбой, на душе стало чуточку легче.

Но на следующий день ни в какой клуб мы не пошли, потому как после работы меня ждали поручения дядюшки.

Зато в воскресенье вечером, почти перед самым закрытием в библиотеке появился Гай. Поджидая, пока уйдут две ин-

теллигентные старушки, он наугад взял со стеллажа книгу.
«Приключения пчёлки Майи».

Несмотря на досаду, я закусила губу, чтобы не засмеяться. Слишком странно это смотрелось: мрачный высокий Гай с яркой книжкой, на переплёте которой нарисованы пчёлки с забавными мордочками.

Но он, похоже, заинтересовался и когда старушки ушли, закрыл книжку не сразу.

И как он, черт бы его побрал, узнал, где меня найти?

Гай без улыбки поздоровался и небрежно бросил «Приключения пчёлки Майи» на стол.

Я вежливо ответила на приветствие и спросила:

– Хотел взять эту книгу?

– Нет. Я хотел увидеть тебя.

Я покивала с понимающим видом, но ничего не сказала. Сегодня Гай пребывал отнюдь не в таком благодушном настроении, как два дня назад.

– Мог бы увидеть завтра в академии.

– А я сейчас хотел.

Подойдя к кафедре, за которой я сидела, он оперся на неё ладонями и теперь глядел на меня сверху вниз.

Я увидела у него на пальце кольцо с камнем, словно подернутым дымкой или как будто покрытым изнутри тонким слоем сажи. Серебряные крапаны, удерживающие камень, были сделаны в стилистике башни средневекового замка. Даже представить не берусь, сколько может стоять подобная штуч-

ка.

Гай проследил за моим взглядом.

– Красивый перстень, – заметила я. – А почему именно башня?

– Как ты могла забыть? – деланно удивился Гай. – Я всегда любил средневековье...

– Да, что-то припоминаю... Ты собирал всякие железяки: какие-то ржавые мечи, латы... Замок мечтал построить. Тебе, и правда, суждено было родиться в средневековой Европе. У соседей бы земли отвоёвывал.

– Я, конечно, жалею о том, что родился позже, чем надо. Но не слишком, – Гай навис надо мной и его тёмные глаза с зелёными крапинками смотрели жадно и внимательно. – Наступают времена помрачнее тех. Век бурь и волков... Ты согласна, Ева?

Память у него была отменная, но только касательно того, что он считал важным. Гай понятия не имел, кто такие Стейнбек и Голсуорси, зато почти наизусть помнил «Прорицание вёльвы». Ничего не говоря, я начала расставлять принесённые сегодня книги, ощущая, что он наблюдает за каждым моим движением.

– Не думала над этим, – не оборачиваясь, произнесла. – И не собираюсь.

– Когда я тебя увидел, Ева, то понял, что ты мне всё ещё безразлична, – спокойно донеслось из-за спины. – Думаю, что и я всё ещё безразличен тебе.

Бамс!

Первый том «Войны и мира» рухнул на пол, увлекши за собой второй том и третий. Слова Гая не так уж меня и шокировали, но руки разжались сами собой.

Не успела я нагнуться, как слева рука Гая аккуратно поставила на место третий том, а справа – первый и второй. Спинай я ощутила его прикосновение. Если сейчас обернусь – он меня обнимет. Я поднырнула под его руку и отступила назад – к кафедре. Нельзя больше увливать от прямого ответа. Надо что-то сказать.

– Гай, я любила тебя два года назад – так сильно, как могла своей глупой наивной любовью. У нас были высокие отношения – ну просто рыцарь и его дама сердца. Когда ты исчез, мне было очень тяжело. Но с тех пор многое изменилось. Я больше не испытываю к тебе никаких чувств. И общаться нам с тобой на каком-то другом уровне, чем «привет-пока», думаю, нет смысла. Давай разойдемся по-настоящему. И по-хорошему.

– Черта с два, Ева. Я хочу тебя. И ты будешь моей – теперь уже навсегда.

Гай ухмыльнулся своей зловещей полуулыбкой. А глаза злые-презлые.

– Что ты забыл в нашем времени, человек с типично средневековыми понятиями? – выдохнула я.

– Сама придешь. Попросишь денег, защиты и секса. И я дам сполна все, что ты захочешь.

Сказав это, Гай развернулся и вышел, ударив рукой по только что поставленным книгам.

Все четыре несчастные тома «Войны и мира» лепестками разлетелись по полу.

Закрывая массивную стальную дверь на два ключа, я вздрогнула от порыва холодного ветра. Сумерки уже сгустились, а фонари ещё не горели, и я почувствовала безотчётный страх.

Чернильно-фиолетовое небо иногда швыряло в лицо мокрые капли дождя. Проходя мимо частных домов, ещё не так ощущала я беспокойство. Многие окошки уютно светились теплым светом среди этих бесприютных синих сумерек.

Люди пили чай всей семьей или смотрели телевизор. Я заглядывалась в окна – и мне хотелось к ним. Но это невозможно – у меня нет семьи.

Не могу сказать, что я из трусливых, но совсем страшно стало, когда я вышла на узкую тропку, с одной стороны которой шла череда высоких неприступных заборов, а с другой – постанывал от порывов ветра почти оголившийся лес.

Стараясь не смотреть вглубь леса, где мне всё мерещились какие-то живые тени, я пыталась не сорваться на бег.

Неужели я такая трусиха? Никогда этого за собой не замечала... Почему у меня такое ощущение, что кто-то идёт параллельно со мной, то и дело мелькая среди стволов?

В довершение ко всему перед глазами почему-то возникла фотография Ангелины Несмеяновой. Но не та, где она жи-

вая, юная и красивая. Другая: длинные рыжие волосы, разметавшиеся по грязному асфальту, левая рука неестественно откинута, хорошо видна в свете вспышки фотоаппарата ночная рубашка с высоким горлом, охватывающим шею.

На розовом шелке в мелкий зелёный цветочек рваные дыры. Господи, это ведь от её ногтей... Неужели она летела с пятнадцатого этажа и рвала на себе рубашку?

Я смотрела на ту фотографию не больше трех секунд. Почему я так отлично запомнила все, что на ней было изображено?

Послышался смех. Я бы с удовольствием посмеялась тоже, если бы он не раздавался откуда-то из глубины леса.

Мороз продрал по коже, и теперь мой шаг смахивал на лёгкий бег.

Кто бы не смеялся в этом сумрачном лесу, встречи с ним я от всей души желаю избежать. Достигнув тропинки, сворачивающей к дядюшкиному дому, я обернулась.

Ветер затих и между стволами деревьев, казалось, поселилось безмолвие. За ближайшими стволами елей хрустнула ветка, и тускло блеснул розовый в зелёный цветочек шелк.

Я, забыв про приличия, рванула к дядюшкиному дому, и на шаг перешла только у крыльца.

– Ты что, бежала? – поинтересовался дядя равнодушно.

– Просто жутко соскучилась по вам, дядюшка, – выдохнула я, снимая куртку.

Дядя скептически хмыкнул и скорчил рожу.

Ночью долго не могла заснуть, ворочалась, проигрывала в памяти разговор с Гаем и впечатления от дороги домой. В том, что смех мне не померещился, я уверена.

Но ночная рубашка умершей девушки между деревьев? Это слишком жутко...

Наверное, просто сказывается впечатление от той страшной фотографии. Впрочем, если в тёмном осеннем лесу звучал смех, то я уже ничему не удивляюсь.

Так что ты там говорил про защиту, Гай?

ГЛАВА 5

Пожар

Если раньше у меня было хотя бы какое-то личное время, то теперь всё изменилось. Разом навалились различные дела: предстоящая аттестация в «Согинее», потребованная дядей генеральная уборка его помещичьей усадьбы и увеличение объёмов работы в библиотеке из-за болезни заведующей.

Я разрывалась между домом, учёбой и работой, умудряясь готовиться к занятиям даже в троллейбусе.

Амина всё звала куда-нибудь развеяться. Наверное, имело смысл наконец-то дойти до клуба, куда мы с ней собирались ещё с самого сентября. Но, учитывая мою чудовищную загруженность, выбрать время для посещения клуба было тяжело.

Не хочу загадывать, но может быть, в эту пятницу что-то и получится.

Пару раз ко мне на работу заходил Гай. Я старалась его проводить. Он опирался о дверной косяк, и некоторое время наблюдал, как я улыбаюсь читателям, делаю ксерокопии, расставляю книги.

Его присутствие нервировало, и я улыбалась невпопад, портила ксерокопии, роняла книги. Не знаю, откуда, но Гай был более-менее в курсе моих дел и, так же, как Амина,

утверждал, что я последнее время плохо выгляжу и мне нужно отдохнуть.

Все мои слова о том, что мой усталый внешний вид уже два года как не его забота, были бесполезны. Он обязательно говорил в ответ что-нибудь такое, от чего я терялась и не знала, как ответить. Если раньше с некоторым даже удовольствием я постоянно ставила его в тупик, то теперь он научился делать это не хуже.

Будто мстил мне.

Зато моя жизнь приходила в норму. Я обрела почву под ногами: друзей, учебу в хорошем вузе, самостоятельно заработанные деньги. Потихоньку у меня начало появляться уютное чувство дома.

Да и дядя, кажется, привык и уже придирился не так сильно, как вначале.

В пятницу все-таки образовался свободный вечер, и мы поехали в клуб со странным названием «Зелёный свет». Ами и Эльвира разделись в пух и прах, чего не скажешь обо мне.

На их фоне я выглядела более чем скромно, но особо по этому поводу не переживала.

Более того, оказавшись внутри «Зелёного света», я подумала о том, что лучше бы провела вечер дома, в своей комнате.

Изнутри клуб представлял собой огромный зал, стилизованный странно и нелепо. Бетонный бункер без окон со стенами, задрапированными кое-где зелёными тканями полот-

няного переплетения, парочка светофоров и урн, пол в виде асфальта с дорожной разметкой на нём...

По периметру всего зала протянулась барная стойка, тоже задрапированная зелёной тканью, а над ней на уровне второго этажа галерея, на которую можно было попасть с помощью небольшого эскалатора. Там располагались столики, а за ними сидели люди. В довершение ко всему почти под самым потолком висела колесница, обитая какой-то тонкой сероватой тканью.

Там за пультом сидел ди-джей в очках и зелёной фуражке и делал пассы рукой, словно благословлял толпу людей, над которой парил в своей колеснице.

В зале, и правда, яблоку негде было упасть. Шум голосов людей смешивался с грохотом однообразной ритмичной музыки. Тёмный танцпол то и дело прорезали зелёные и ослепительно белые лучи прожекторов.

Я не люблю находиться в скопище народа, да и место это мне совсем не понравилось, поэтому, когда девчонки прокричали, что будут танцевать, я покачала головой и попыталась найти свободный стул за барной стойкой, постоянно натываясь на танцующих людей.

Через некоторое время мне повезло занять место в углу, рядом с какой-то малоприметной дверью без надписи. Поразмышляв немного, я пришла к выводу, что там находится служебное помещение.

Танцевать настроения не было. Кто-то назовёт меня ста-

ромодной, но я не люблю клубную музыку.

Рядом открыто обнималась пара: молодой человек и женщина в возрасте. Я поспешно отвернулась и принялась разглядывать непрерывнодвигающуюся толпу, отмечая, как много в ней молодежи.

Хорошо, что мне уже исполнилось восемнадцать, а то фиг бы меня сюда пустили. Хотя, может, и нечему тут радоваться.

Вскоре ко мне пробрались довольные и разругавшиеся Амина с Эльвирой, удивлённо спрашивая, почему это я не танцую. Судя по всему, им было жутко весело. Но ещё веселее стало, когда места за стойкой рядом с нами заняли трое парней, обрадовавшие радостным «Приве-е-ет, девчонки!». Девчонки тут же завели с двумя из них какой-то увлекательный разговор, ко мне же все никак не мог подступить третий.

Низкорослый, в чёрных джинсах и блестящей бордовой рубашке, он здорово смахивал на индюка.

Звали парня Олегом, но вёл он себя так, как будто был, по меньшей мере, Брэдом Питтом.

– Как же ж тебя зовут, красавица? – поинтересовался Олег, приобнимая меня за талию.

Сбрасывая его руку, я честно ответила, что зовут меня Аграфеной.

– Чего-чего? – переспросил Олег, захлопав длинными бесцветными ресницами, – Чё ты мне лепишь, какая ты

Аграфена! Наташка поди или Машка! Классно тут, Машка! А ты чё не танцуешь?

Самому ему, видимо, не терпелось, потому что, отхлебнув добрый глоток из бутылки, он начал пританцовывать.

– Не хочется? – переспросил, услышав ответ, – Ишь, фифа какая! Не хочется ей... Если Олежек Царёв зовет, значит, должно захотеться! Аграфена, е-моё!

Девчонки куда-то запропастились. Забыв обо мне, Олег Царёв стал клеиться к девушке в синем блестящем платье. Она оказалась сговорчивей и пошла с ним танцевать.

Когда меня покинул даже Олежек Царев, стало уж совсем тоскливо. Надо дожидаться Амину и Эльвиру и предупредить о том, что я ухожу.

Я заказала бокал охлаждённого коктейля и достала распечатку лекции по современному искусству, положив её прямо на барную стойку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.